

18+

РОМАН ПОКРОВСКИЙ

Алая Завеса

ПЕРВЫЙ ЛИК СМЕРТИ

Роман Покровский

Алая Завеса. Первый лик смерти

«Издательские решения»

Покровский Р.

Алая Завеса. Первый лик смерти / Р. Покровский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984745-4

Действие книги переносит нас в альтернативную Европу — мир, в котором наука соседствует с магией. Главный герой, семнадцатилетний Юлиан Мерлин, попадает в город Свайзлаутерн, где волей судеб оказывается втянут в интригу, связанную с намечающимся возвращением террориста Молтембера, чья группировка держала в страхе весь Союз Шмельцера 15 лет назад. Роман преисполнен неожиданными сюжетными поворотами, раскрывающимися призраками прошлого главных героев и... И дружбой на фоне настоящей войны.

ISBN 978-5-44-984745-4

© Покровский Р.
© Издательские решения

Содержание

1. Беглец	6
2. Арестант	11
3. Прислужник	20
4. Лазутчик	32
5. Присяжный	40
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алая Завеса

Первый лик смерти

Роман Покровский

© Роман Покровский, 2020

ISBN 978-5-4498-4745-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Беглец

«Я видел только огонь. Я не знал, что будет, когда я пройду сквозь него.»

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Юлиан сбежал прямо так, в одних кедах и джинсах, не захватив с собой совсем никаких вещей. Ему сейчас было совершенно не до них, ибо волновало многое другое.

Он представлял, что его дед, Джампаоло Раньери, мчится в своём строгом костюме в клеточку за ним, с ружьём в руках, и периодически стреляет из него. Никаких звуков ушами Юлиан не слышал, но они отчетливо звучали в его голове.

Ещё немного и он убил бы деда, подумалось Юлиану. Спроси его за что – Юлиан не смог бы ответить. Он представлял это более чем хорошо, но сформулировать мысль не представлялось возможным.

Он поймал самый первый автобус, идущий по дороге, и без раздумий запрыгнул туда. Юлиан даже не стал читать, куда он уедет, так как ему было глубоко плевать.

Лишь бы подальше отсюда. Хоть на край света. Хоть на холодный север.

В автобусе было всего одно свободное место, да и то оно находилось напротив какого-то старике в шляпе, от которого так и веяло ложной мудростью и бесценным опытом прожитых лет. Если бы он был одет в такой же костюм в клеточку и не носил такой длинной бороды, Юлиан с легкостью спутал бы его со своим дедом.

Он плюхнулся на сиденье, даже не спросив на это разрешения.

Дед, наверное, спал, потому что в этот момент резко встрепенулся и протер свои очки, после чего наглым взглядом уставился на Юлиана.

Действительно, как есть дед. И на вид лет сто, не меньше.

– Какая дорога завела тебя в Свайзлаутерн, мой юный путник? – после недолгого молчания спросил старик.

Не хватало Юлиану только умных слов. Наслушался от своего деда.

– Честно говоря, я и не знаю, что еду туда, – опрометчиво ответил юноша.

– Едешь, не зная куда. На пути к вечности и неизведанному. Красиво, юный друг.

Юлиан предпочел не отвечать. Не время и нет смысла.

– Наверняка, из дома сбежал? – поинтересовался назойливый дед.

– Что-то вроде того, – не стал скрывать Юлиан.

– Это столь же авантюрно, сколь и бессмысленно. В конечном итоге ты поймешь, что дома лучше и захочешь туда вернуться. Сам много раз так делал, сам много раз жалел и возвращался.

Дедушка, не учи меня жизни, подумалось Юлиану, но вслух он этого сказать не осмелился.

Да и не требовалось. У Юлиана появилось ощущение, что дед прочитал его мысли.

– Не пожалею, – пробормотал юноша.

– Чем тебя так манит неизвестность? Чем отталкивает родной дом? Неизвестность чарует, но чарует до тех пор, пока в неё не вступишь. Ею пресытишься в первый же день, да только вот она может и не отпустить обратно. Она станет проклятьем, ты возненавидишь её и не сможешь полюбить.

Юлиан очень не любил таких мудрых и вроде как красивых слов. Если бы ему нравилась подобного рода философия, он бы всё-таки поступил в какой-нибудь университет или академию и там освоил бы всё это до совершенства.

В любом случае, дед смог пристроить бы его куда угодно. Более того, он на этом настаивал. И именно это являлось одной из причин конфликта между дедом и внуком, а скорее всего даже отправной его точкой.

– Я не в неизвестность отправляюсь. Я покидаю человека, который не может оставить меня в покое.

Этот человек, сеньор Раньери, очень уважаемый во многих слоях общества. Но сколь он уважаем, столь же и невыносим.

– Минутная слабость сподвигает нас на очень необдуманные поступки вроде этого. Гораздо проще перетерпеть...

– И это снова случится, – перебил старика Юлиан.

Ему так хотелось сейчас блаженного одиночества. Откинуться на сиденье, закрыть глаза и думать, думать, думать. Ругать в душе деда, представлять другую жизнь, мечтать о непостижимом. И единственное условие для этого – тишина. Элементарная тишина, которую ему этот старик не может обеспечить.

– Я прожил в несколько раз больше, чем ты, и хорошо знаю, что говорю. Главная ценность – это близкие люди. И беден тот, у кого они отсутствуют. Я стар, у меня уже никого не осталось. И я глубоко одинок. Я был бы несчастен, если бы не нашёл в себе увлечения помогать потерянным душам вроде тебя, мой юный друг.

Только вот Юлиану эта помощь не требуется. Ему требуется тишина. Ему требуется одиночество, по крайней мере, временное.

– Я не потерян, – возразил Юлиан.

– Тебе так кажется, мой юный друг. В тебе говорят гнев и злость. Маленькие люди вроде тебя вообще очень склонны к этому. Я и сам был очень горяч в твои годы. Как уже говорил, сбегал из дома. Ссорился с близкими друзьями, порой даже навсегда. А сколько раз ругался с женой... И не счесть. Но теперь, когда её нет, я понимаю, что всегда любил её больше всей жизни. И все эти ссоры были обусловлены лишь боязнью её потерять. Я могу перечислить сотни причин, почему так часто был ей недоволен, но все они, по сути, ничтожны. А какие причины недовольства своим дедушкой у тебя?

– Дедушкой? – удивился Юлиан. – Я же вам ничего не говорил про дедушку.

– А мне и не надо было. Ты сел в автобус возле усадьбы сеньора Джампаоло Раньери. Как же я мог не догадаться?

– Неужто мой дед и впрямь такой известный?

– Да. Он известный, выдающийся и, несомненно, хороший человек. Когда-то мне пришлось быть его психиатром. Я помог ему, а он помог мне. Помощь, пусть и обоюдная, не забывается никогда.

– Он может только платить, – съязвил Юлиан.

– Я это не имел в виду. Да, он щедро мне заплатил. Но, скажем так, в деньгах я сильно не нуждался. Не буду скромничать – я один из ведущих психиатров Свайцлаутерна, да и всей провинции, стало быть. Когда я лечил его, одновременно он лечил и меня. Он помог мне смягчить тоску по моей жене. На такое способен только золотой человек. Так вернемся, пожалуй к тому, с чего я начал. Какая первая причина недовольства им?

Юлиан секунду помялся и всё же открылся:

– Я закончил школу весной. И он хотел пристроить меня в Академию Принца Болеслава. Не спросив, хочу я того или нет. Надо ли мне это или ему.

– Очень стандартная проблема. Я уже и не сосчитаю, сколько раз ко мне обращались юнцы с этой проблемой. И всегда ответ один. Дед хочет видеть в тебе большого человека, такого же большого, как и он сам. Желает тебе светлого будущего, а не туманного. Академия дала бы тебе не только документ об образовании, но и помогла бы найти себя. Он видит, насколько ты потерян.

Звучало совсем неубедительно. Юлиан слышал эти слова за прошедшее лето бесчисленное множество раз. От всех, кого только мог. И всякий раз проносил это мимо своих ушей.

Ему и не требовалась помощь психиатра. Ему просто не повезло со спутником.

– Мне хватит того, что я получил в школе, – сказал Юлиан. – Я сам хочу строить свою жизнь. Не обращаясь за помощью к родственникам.

– Но оплатил проезд ты деньгами своего деда. И за всё лето не заработал, наверняка, совсем ничего. Это ли не заблуждение? Можешь ли ты выделить ещё одну причину своего недовольства?

– Он не хочет меня слушать. Он не разделяет моих интересов. Он хочет, чтобы я прочитал огромную книгу про его родословную. А я не хочу. Зачем мне вспоминать его прошлое?

– Незнание прошлого порождает неспособность строить будущее. Твой дед происходит из дворянского рода, однако всего в жизни он добился сам. Без знаний, полученных им из прошлого, этого сделать бы не удалось.

– Сейчас это не очень актуально.

– Я объяснил тебе его мотив. Его правильный мотив. Оба твоих недовольства совсем необъективны. Поэтому прошу озвучить третье.

– Он распределяет мой распорядок дня, – чуть призадумавшись, сказал Юлиан. – Будит меня чуть свет. Не дает мне возможности гулять, сколько я хочу. Держит меня словно в клетке. Заставляет есть, будучи одетым в парадную одежду. Заставляет держать ложку и нож в правой руке, а у меня это плохо получается. Я ненавижу правила этикета.

– Твой дед человек старых устоев. Этикет – это неотъемлемая часть любого дворянина. И поверь, многим это совсем не нравится. И твоему деду не нравится.

Водитель резко тормознул, и Юлиан едва не слетел с сиденья. Автобус подобрал какого-то бедолагу, однако ему пришлось довольствоваться стоячим местом.

– Есть законы, придуманные не нами. В том числе и не твоим дедом, – продолжил старик. – А чтить обычаи мира, в котором ты живешь, ты обязан.

– Я хочу быть свободным. Делать то, что хочу, не оглядываясь на мнения других.

– В твоём возрасте все революционеры. Но, если ты продолжишь мыслить в том же духе, станешь тем, кто следует по течению и ничего не меняет. Сдержанность – один из залогов успеха.

– Вы сказали, что в молодости были примерно таким же, как я. Но видите вы мне вполне успешным человеком.

– Никто и не спорит, – сказал дед. – Но я могу сказать, что однажды тоже встретил... Образно так сказав... Встретил своего старика в автобусе. Который раскрыл мне глаза. Который убедил в некоторых вещах и помог встать на правильный путь.

– И вы сразу вернулись домой?

– Нет, конечно. Осознание пришло многим позже. Но я безмерно рад, что оно пришло. И до сих пор оно во мне и никуда уже не денется.

– Сожалею, я никогда не слушаю чужих мнений, – сказал Юлиан.

– А ты смел, – похвалил его старик, – наверное, даже смелее, чем я был. Плавно я постараюсь угадать следующую причину. Дед забрал тебя от матери, не спросив твоего мнения?

– Да, – вздохнул Юлиан, – вы правы.

Этот старик определенно умеет читать чужие мысли. Другого объяснения Юлиан придумать не мог.

– И чем же это обосновано, по твоему мнению?

– Тем, что он тиран...

– Нет. Всё однозначно. Он просто любит тебя. Скучает по тебе и хочет тебя видеть. Разве сложно докопаться до такой элементарной истины?

– Если бы любил, понимал бы меня, – возразил Юлиан.

– Я уверен, что даже если бы он слышал всё, что ты о нём сейчас сказал, он простил бы тебя и продолжил любить. И, когда у тебя появится свой внук и тоже станет взрослеть, история повторится. И ты будешь любить его. Всегда.

– Я буду любить свою жену, детей и внуков настоящей любовью. Буду стараться делать для них то, что они по-настоящему хотят. А не чего хочу от них я.

– Не раскидывайся такими словами, покуда не повзрослел. У меня есть внук и внучка, но они очень далеко и я несколько лет их не видел. Но более всего мечтаю снова обнять их. Думаешь, я никогда не ссорился с ними? Думаешь, они не были злы на меня и не кидали в меня проклятья? Было всё. Но всё перечеркнуто словом «любовь».

Слова звучали всё убедительней, но Юлиан совсем не хотел их слушать. Он сделал свой выбор. И не отступит от него, пока не удостоверится в том, что было лучше. А это, он был уверен, не случится ещё очень и очень долго.

– Сеньор Раньери злится на тебя сейчас, как на дьявола. И завтра будет злиться. А после что? Он впадет в грусть, станет убиваться, что, возможно, обидел тебя, и сделает всё, для того, чтобы вернуть. Тебе охота, чтобы дед переживал и маялся?

– А ему охота, чтобы я занимался тем же?

– Ему неохота. Ему охота сделать тебя человеком. Сейчас ты совершил серьёзный поступок и это, можно сказать, приблизило тебя на шаг к взрослости. А деду добавило седых волос и бессонных ночей.

– Он всегда хорошо спит, – сказал Юлиан, – храпит так, что слышно мне на втором этаже.

Старик неожиданно громко рассмеялся, и Юлиану стало от этого немного не по себе. Он смотрел на старика недоуменным и серьёзным взглядом, но тот не реагировал. Ему было смешно, что его ровесник храпит.

Люди на других местах тоже смотрели на него, но, по большей части, им было всё равно.

– Совсем скоро мы приедем, – оклемавшись от смеха, произнес старик, – тебе приходилось раньше бывать в Свайзлаутерне?

– Я был там много раз, но мне больше нравится Грунндебайтен.

– Ты там живешь? Это совсем маленький город на фоне Свайзлаутерна. Кремовый рай, как многие его называют. Признаюсь, вкуснее шоколадных пончиков, чем там, мне отведывать не приходилось.

– Клубничные пирожные там гораздо вкуснее, – ответил Юлиан, однако теперь в его глазах читалось безразличие.

Он совершенно неожиданно выговорился было совершенно незнакомому человеку, и теперь сомневался, правильно ли сделал. Он не привык доверять чужим людям. Он не открывал душу даже родным. Юлиан всё держал в себе. Потому что все его переживания и проблемы – его. Его достояние и его богатство.

– Сладкоежка, стало быть? – поинтересовался старик.

– Нисколько, – возразил Юлиан, – я бы предпочел жареную колбаску, чем самое вкусное пирожное.

– Похвально. Сладкое часто вредит здоровью. Хотя, думаю, что тебе на здоровье сейчас, грубо говоря, плевать. А к старости начинаешь задумываться о нём. Когда для ходьбы всё чаще используешь третью ногу, – старик немного улыбнулся и неуклюже указал на стоящую возле него трость.

Она была выполнена в стиле Реннесанса, а ее основание украшала фигура драконьей головы. Наверняка, вещь раритетная и стоит немало.

Сейчас старик прочитает его мысли и назовёт цену трости. Ещё и похвалится этим. Но сего не случилось.

Они въехали в город. Юлиан с лёгкостью узнавал крыши многоэтажек и магазинов, во многих из которых ему уже приходилось бывать. Вечерело. Справа пронесся стремительно уходящий поезд. Что-то подсказывало Юлиану, что поезд уходил в Грунндебайтен. На мгновение Юлиану вдруг захотелось оказаться в нём и умчаться навстречу ночи в родной дом.

Проверить свою коллекцию спортивных карточек и погладить собаку. Почему он подумал про собаку?

Всю дорогу до платформы вокзала старик молчал, что не могло не радовать Юлиана. Может быть, он наконец-то устал говорить и предпочел отдохнуть и дать отдохнуть Юлиану? Было бы совсем неплохо.

Но старик снова прочитал его мысли и спросил:

– А куда теперь?

– Я не знаю. Что-нибудь придумаю.

– Скажем так, здесь ты не пропадёшь, – усмехнулся старик, – в гости не зову, потому что дел полно. Но если вдруг понадобится какая-то помощь, буду рад, если обратишься ко мне.

Он залез в левый внутренний карман своего пиджака, и, пару секунд поковыряться там, вытащил небольшую фиолетовую карточку, вручив её Юлиану.

– Мой номер телефона, – сказал он, – тебе никогда не помешает. Меня зовут Грао Дюкс.

Юлиан молча кивнул, но своего имени называть не стал. На карточке черными чернилами были написаны четыре цифры «1166», а снизу замысловатая роспись случайного попутчика.

– Твоего имени не спрашиваю, – произнёс Грао Дюкс и медленно привстал.

Пора было выходить.

Юлиана уже в полной мере пугала способность старика читать его мысли. Все психиатры умеют это делать или только этот экземпляр? Этим положено владеть в данной профессии?

Юлиан тоже привстал и пропустил его вперёд. Какие-то правильные манеры всё же разыгались в нём.

На вокзале было всё так же сравнительно многолюдно. Кто-то ещё собирался куда-то ехать. Юлиан не собирался никуда.

Справа и слева сновали конвои местной полиции, отлавливающие мелких преступников и следящие за подобием порядка. Но Юлиана они совершенно не интересовали. Теперь его интересовало только то, куда идти дальше. Злоба на деда не утихла, и возвращаться к нему он не хотел.

Как и не хотел блуждать всю ночь по улице, как бродяжка.

– До скорой встречи, мой юный друг, – улыбнулся Грао Дюкс, и, опершись на трость, двинулся к только что подъехавшему автомобилю.

Он сел на заднее сиденье, а это значит, что за ним приехал личный водитель. Совсем как за дедом. Тот тоже никогда не ездил сам.

Машина загремела и уехала прочь отсюда, оставив Юлиана совсем одного в этом уже не таком приветливом месте.

Что ж, до скорой встречи.

2. Арестант

«Необдуманные действия порой приводят к самым неожиданным последствиям. Но я не думал, что закон подлости имеет такое чувство юмора.»

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Начало новой жизни выглядело не совсем определенным, однако Юлиан ни о чём ещё не жалел. То, что он сделал, выглядело единственным верным выходом из той ситуации, в которую попал, и сомневаться в правильности принятого решения он попросту не имел права.

Само собой, Юлиан не собирался звонить Грао Дюксу, потому что хорошего от него он снова, узнает мало. Убеждать его в правоте деда нет совершенно никакого смысла, тем более, если это делает совершенно незнакомый человек.

Скорее всего, Дюкс был прав, когда говорил, что Юлиан в Свайзлаутерне не пропадет. Это утверждение было бесспорным, особенно учитывая то, что кое-какие деньги он с собой взял. Деду, конечно, это не понравится, тем более Юлиан не ставил в его известность об этом. Но какое дело до этого Юлиану, если дед сейчас уже очень далеко?

Он засунул в кошелек визитную карточку Грао Дюкса, однако после недолгих раздумий вытащил её обратно и ещё раз подробно изучил то, что было написано на ней. Не так уж интересно – он убедился в этом ещё один раз.

Сентябрьские вечера были не самым теплым временем, поэтому Юлиан счел первой задачей спрятать руки в карманы. Однако его удивление преумножилось в несколько раз, когда он обнаружил в левом кармане ещё чью-то руку.

Ну конечно, вор-карманник!

Юлиан не смог заметить лица этого парня в капюшоне, тем более что он оказался ловким и с неплохой реакцией, что позволило ему сразу же дать дёру.

Кошелек украсть он успел, поэтому Юлиан сдаваться не собирался. Пару лет назад Юлиан считал своим долгом устраивать каждое утро пробежку в несколько миль, оттого не считал себя обиженным в плане скорости. И погоняться он очень любил.

– Стой! – протяжно заорал Юлиан в спину вору и побежал за ним.

Тот совершенно не обращал на юношу внимания, устремляясь вдаль. Юлиан был быстрее, но когда они достигли темных переулков, всё изменилось. Карманник, похоже, очень хорошо знал все эти лабиринты, а вот Юлиан был здесь впервые.

Но и так он сдаваться совсем не собирался, поэтому только прибавил ход.

Преступник скрылся за старой помойкой и рванул в какой-то переулок направо, намереваясь найти способ обмануть Юлиана. Но не успел.

Тот вытянул вперед длинную левую руку и опрокинул ей ничего не ожидающего карманника. Воришка с грохотом плюхнулся на грязную землю, и Юлиан запрыгнул сверху на него.

– Верни мои деньги, и я отпущу тебя отсюда живым! – в порыве гнева кричал Юлиан.

Теперь он хорошо видел лицо того, кто его обокрал, и оно явно не выглядело воодушевляющим.

Юлиан думал, ударить его или нет. Это не так легко делать, особенно когда смотришь жертве в глаза и понимаешь, что получать по лицу ей совершенно не хочется.

Мало ли что могло заставить воришку пуститься на такой шаг – винить его полностью было явно нельзя.

– Вытаскивай деньги! – ещё громче заорал Юлиан, не обращая внимания на тщетные попытки карманника выбраться из жесткого захвата.

Особой физической силой Юлиан не отличался, однако преступник был совсем тощим и ростом явно ниже.

– Какие ещё деньги? – послышался голос из-за угла, что заставило Юлиана обернуться.

Одно другого хуже. Это полицейский.

– Впервые что ли на заработок вышел? – спросил появившийся второй.

– Кто ж так громко орёт, совершая грабёж? – продолжил первый.

Спереди появился ещё один полицейский и Юлиан понял, что теперь, даже если воришка и сможет вырваться, убежать ему никуда не удастся. И деньги свои теперь Юлиан точно вернёт.

– С трудом поймал, – похвастался Юлиан, отпуская воришку.

Он ожидал, что сейчас полицейские поднимут карманника и наденут наручники на воришку, но этого почему-то не случилось.

– Конечно, мы оценили твою работу, – засмеялся один из полицейских, кивая второму. – С трудом поймал он. Хвалится ещё.

– Что? – опешил Юлиан, когда наконец-то понял, что произошло.

Карманник, обокравший пять минут назад Юлиана, сделал совсем уж жалкий вид, когда один из полицейских подошёл к нему.

– Вы не пострадали? – спросил он.

– Всё обошлось, медицинская помощь не требуется, – ответил мошенник, усиленно изображая хромоту.

– Это отлично. Боюсь, вам придётся дать некие показания в отделении.

Юлиан в бешенстве вскочил на ноги и закричал:

– Это не я грабитель, а он! Он стащил у меня кошелек, и я погнался за ним, чтобы вернуть его! Не более того.

– Ну да, – сказал полицейский, разговаривающий с воришкой, – а я опаздываю на ужин с королевой, и мне некогда трепаться.

– Я... Я с легкостью докажу, что виновен он, – не унимался Юлиан, – он украл у меня кошелек. Кожаный, коричневый. Там внутри деньги.

– Вот так удивил, – сказал полицейский с самыми большими усами. – А я-то ожидал, что ты носишь в кошельке ключи от машины. Или отвертку, например.

После этого он протяжно засмеялся, что едва не вывело Юлиана из себя окончательно.

– Ну всё, забирайте уже его, – сказал самый старый полицейский, – времени мало. Сколько ещё их шныряет здесь...

Внезапно Юлиана осенило:

– Внутри кошелька находится визитная карточка Грао Дюкса! – с воодушевлением закричал он. – Фиолетовая такая, там ещё его номер телефона из четырёх цифр.

– Да? – остановился усатый полицейский, потерев свои усы. Он уже успел вытащить металлические наручники и собирался надеть их на Юлиана. – Обыскать его? – обратился он к старому полицейскому.

– Обыщи, – кивнул тот, после чего заворчал: – И так времени мало, так ещё пытаются уликами кидаться. Тьфу.

– Я сам вам дам его, – сказал преступник и Юлиан увидел в его глазах немалую дозу разочарования.

Он вытащил из кармана куртки кошелек Юлиана и протянул усатому полицейскому. Наконец-то от Юлиана отстанут, увидев неопровержимые доказательства. Однако всё опять пошло не так.

– Нет тут никакой визитки, – сказал полицейский и еще раз перепроверил содержимое. – Четыре сотни фунтов и всё.

– Что? – удивился Юлиан, однако через секунду многое понял.

Всё было кончено. Да, иначе быть и не могло. Закон подлости разыгрался не на шутку. Когда он собирался запихать визитную карточку обратно в кошелек, в кармане он обнаружил руку воришки, и сделать этого не успел.

Карточка могла и выпасть, однако Юлиан нашёл её в своём кармане и выставил всем напоказ.

– Вот дурак-то, – усмехнулся старый полицейский. – Скажу честно, глупее налетчика мне видеть не приходилось. Всё, закрывайте его.

Юлиан понял, что ничего доказывать уже нет смысла, и послушно протянул вперёд свои руки, на которых в то же мгновение оказались сияющие наручники.

– Вам, герр, я настоятельно не советую носить с собой такие большие суммы, – обратился старый полицейский к преступнику и вручил ему обратно кошелек Юлиана. – Марв, оставайся здесь, – обратился он к молодому полицейскому. – А мы поедem в отделение. Сожалею, герр, вам придётся дать показания.

– Но я торопился домой, – собирался надавить на жалость преступник.

– Сожалею, но таковы правила.

Когда Юлиана вели к машине, он мимолетом оглянулся на настоящего преступника и заметил его наглую ухмылку. Юлиану так хотелось лишиться его зубов, но возможности никакой не предоставлялось. Что ж, в следующий раз.

В старую черную полицейскую машину преступника, ставшего жертвой, с честью посадили за переднее сиденье, Юлиана же отправили назад, к усатому полицейскому. Только здесь Юлиан заметил, что усы были рыжими. Наверное, это могло бы быть весело, но только не в этом случае.

Юлиан старался не разговаривать с конвоем, но иногда всё же приходилось. Из разговора он понял, что преступника зовут Ганс и он совсем ещё юн. Разве что на пару лет постарше самого Юлиана.

Дорога не заняла много времени, и вскоре они подъехали к отделению полиции. Это было небольшое трехэтажное здание, выполненное в средневековом стиле, выстроенное из серых камней с остроконечным пиком на крыше.

Место не выглядело приветливо, и вообще мало походило на полицейский отдел. По крайней мере, не так его себе Юлиан представлял, тем более в таком большом городе.

На самом деле Юлиану уже приходилось бывать в подобном месте, только уже в своём родном Грунндебайтене. Около года назад, слишком веселым летом, Юлиан нашёл весьма интересным проникнуть ночью в Галерею искусств и дополнить некоторые картины такими поправками, с которыми они должны были выглядеть лучше.

Разрисовать он успел только два шедевра, после чего его обнаружили полицейские и тоже забрали с собой. Юному несовершеннолетнему хулигану мало чего грозило бы, только вот весьма внушительный штраф сеньору Джампаоло Раньери выплатить всё же пришлось.

В то время, как Юлиану пришлось получить немало ругани и упреков. Главным образом деда волновала его подпорченная репутация, а к тому же Юлиану пришлось выслушать массу нравоучений о том, как надо ценить искусство и всё к этому прилагающееся.

Время было не из легких, но Юлиану пришлось пережить его.

Он и сейчас был уверен в том, что к утру дед про это узнает и вытащит его отсюда. Разумеется, внеся солидную сумму залога. Юлиан уже был готом к скандалу, который ему устроят, только вот в этот раз он действительно совершенно ни в чем не виноват. Он-то уж точно знал.

– Юлиан Мерлин, – произнёс юноша на допросе, когда у него спросили имя.

Скрывать его не было никакого смысла, так как это увеличивает шансы быть найденным дедом.

– Надо же, – усмехнулся старый полицейский, – веселая фамилия. Впервые слышу такое. Не придумал?

Юлиану очень не нравилось называть свою фамилию. Он стеснялся её, хотя не знал, почему. И, скорее всего, не из-за того, что досталась она ему от отца, которого он никогда в своей жизни не видел. А из-за того, что на самом деле она могла значить.

Допрос шёл около часа, но ничего путного из него не вышло. Настоящий преступник заплакался и его практически сразу отпустили, а вот от Юлиана упорно освобождать не собирались.

Он тысячи раз пересказывал им всё, что видел, но ему отказывались верить. Для них всё было так, как они себе представляли. Юлиан напал на несчастного паренька, и под угрозой удушья хотел выманить у него деньги, при этом громко, на весь город, об этом крича. Будучи слишком неопытным налетчиком, он даже не взял с собой оружия, а полагался только на свою собственную удачу.

Всё было так нелепо, что Юлиану хотелось смеяться. Только этот порыв вряд ли кто-нибудь бы оценил.

Юлиан даже пытался выманить у полиции зелье правды, но те усмехнулись, и сказали, что такой редкости у них очень и очень давно не было. Потому им и придется искать правду при помощи «старых и более человечных методов».

– Утром разберемся, – сделал вывод старый полицейский и что-то написал на желтом листе бумаги.

Положив перо, он вдохнул глоток воздуха и сказал усатому:

– Запри-ка его в одиночную камеру.

– В одиночную? – удивился тот. – Он разве настолько высокопоставленное лицо?

– Не настолько. Но я не хочу, чтобы этот мальчик прозябал в одном месте с закоренелыми подонками и подлецами. Рано ещё ему. Не понял, что наделал.

Только вот он ничего не наделал. Но за такой отличительный знак, он должен был сказать «спасибо». Только, разумеется, Юлиан такого не скажет. Потому что он вообще не планировал оказываться в этом паршивом месте.

Настроение ухудшалось с каждой секундой всё больше и больше. Само осознание того, где он теперь оказался и кем его считают, пугало.

Заслужил ли он этого? В порывах злости дед именно такое будущее и обещал Юлиану. Что-то вроде «Ты допрыгаешься» и так далее. От этих слов Юлиана просто тошнило, так как постепенно пророчества деда начинали сбываться.

Никто его не запикивал в камеру насильно – он сам добровольно, опустив голову как можно ниже, прошел туда, и безвольно наблюдал за тем, как его запирают на ключ. Появилось ощущение, что его осудили лет на тридцать, и он теперь никогда не увидит свободы и белого света.

Наверное, всё же, нахождение в усадьбе деда было бы лучшим вариантом. Теперь, когда всё поутихло, в юноше появились нотки сожаления.

Камера была весьма тесной и темной, к тому же находилась совсем рядом со столом главного полицейского, и его было оттуда совсем неплохо видно. Он был поглощен своими бумагами и совсем не разговаривал с Юлианом. Надо сказать, этот факт очень и очень радовал бедолагу-арестанта. Голосов блюстителей закона он уже наслушался.

По истечении получаса невероятной скуки и полного отсутствия желания спать на другом конце помещения раздался грохот, и дверь с грохотом отворилась.

– Что происходит? – закричал старый полицейский, который, похоже, уже впал в лёгкую дрему.

– Иллиций! Агнус Иллиций пойман!

Юлиан мгновенно вскочил и просунул голову меж прутьев решетки. Он совершенно не знал, кто такой Иллиций, но ему было очень интересно узнать, чьё появление вызывает здесь такой восторг и такой антураж.

– Не может быть! – воскликнул старый полицейский и вскочил с места, отбросив газету, которую читал до того, как задремал. – Ведите его сюда, не тяните время.

Почти сразу же Юлиан увидел, как двое полицейских заводят какого-то небрежно одетого мужчину под руки в помещение. На нём были надеты совсем огромные и ржавеющие наручники, не идущие ни в какое сравнение с теми, что надевали на Юлиана.

– Что вообще случилось? – спросил старый полицейский. – Как это удалось сделать?

– Мы всё расскажем, – ответил один из конвоиров, усиленно держа под руку преступника. – Нам бы поскорее избавиться от него и помыть руки.

– Как жаль, что мы не можем подвергнуть смерти на месте тварь вроде этой, – сказал старый полицейский и приблизился к Иллицию.

Юлиану показалось, что он вдумчиво смотрит в его глаза, однако отсюда было плохо видно, и он вполне мог ошибаться.

– Ещё как жаль, – ответил один из полицейских, – но я уверен, что совет присяжных вынесет правильное решение.

– Ах да, – опомнился старый полицейский и схватил в руки телефон.

Он набрал какой-то номер, и, когда пошли гудки, махнул в сторону подопечных:

– В подземелье его! В подземелье ведите, только оттуда он не сможет сбежать... Герр Карниган! Это инспектор полиции Глесон. Только что арестован опасный преступник Агнус Иллиций. Прошу явиться в отделение полиции номер тринадцать!

В глазах и голосе Глесона читалось всё больше и больше радости. Он понимал, насколько это важно, и какое великое дело совершили его ребята, однако Юлиан ничего не понимал.

Неизвестный герр Карниган ещё долго что-то кричал в трубку, не давая ни слова вставить инспектору, однако того это совсем не волновало. Казалось, дело своей жизни он наконец-то выполнил и теперь мог умирать спокойно. И достойно.

Ботинки преступника были донельзя драными, а походка была такой тяжёлой, что каменный пол был вот-вот готов рухнуть под ним.

– А у вас тут холодновато, – хриплым голосом произнёс Иллиций, на что последовал вполне логичный чей-то ответ:

– Заткнись, падаль. Там, куда мы тебя ведём, холоднее ещё в несколько раз. Там тебе и самое место.

Иллиция это, похоже, совсем не напугало. С его стороны лишь последовал необычный и противный смех, который ввел в смятение и самого Юлиана.

Он был вполне себе высокого роста, а длинные черные локоны были разбавлены несколькими седыми волосками. Хотя локонами это можно было назвать с очень и очень большой натяжкой, потому что сальными они были настолько, что напоминали чёрные сосульки. Чёрное кожаное пальто было примерно таким же драным, как и ботинки, оттого Юлиан представил, что Иллиция нашли в помойке и нигде иначе. И срок его годности уже давно истёк.

Когда смех прекратился, Иллиций вдруг заметил Юлиана и выражение его черных глаз резко переменилось.

– Я знаю тебя! – кричал он в лицо Юлиану. – Я знаю, кто ты, черт подери!

На его лице появилась самая отвратная улыбка, которую Юлиану приходилось видеть в своей жизни, и она почти привела юношу в ужас. Наверняка, примерно такого внешнего вида представлял Юлиана дед в сравнительно недалеком будущем.

На желтеющих зубах уже начала появляться чернь, а в некоторых местах торчали и вовсе золотые протезы зубов. Вырастить зуб или заменить его на нормальный протез – вовсе не проблема, но этому парню наверняка нравилось то, что «украшает» его сияющую улыбку.

Юлиана чуть не стошнило, но он отпрянул назад от решетки, потому что Иллиций потянул в его сторону свою руку, будто пытался схватить за грудь. За что вполне заслуженно и предсказуемо получил удар кулаком в живот от одного из полицейских, который его вёл.

Юноша пришёл в смятение. Что происходит вообще?

– Знаю, знаю! – не унимался Иллиций, всё больше и больше вводя в ступор Юлиана.

Преступник громко закашлял, наверняка почував боль в том месте, куда его ударили. Он пытался поднять руку для того, чтобы прикрыть рот, но из-за наручников этого сделать не удалось. Тогда Иллиций нагнул голову к рукам, чтобы прокашляться, но ему и этого сделать не дали – отвесили сзади смачного пинка и заставили инерцией двигаться вперед.

– Он не понимает ничего, – сказал Юлиану Глесон. – Слишком болен. И больше ты его не увидишь.

Юлиан не успел ничего ответить инспектору, так как тот мгновенно скрылся. Легче от его слов парню не стало – теперь он втрое больше захотел покинуть это место, чем несколькими минутами ранее.

Справа доносился громкий шум – ажиотаж вокруг Иллиция всё никак не хотел кончаться. Что-то подсказывало Юлиану, что он ещё очень и очень долго не закончится.

Интересно, что они там с ним делали? Били? Пытали? Кормили ужином и укладывали спать?

Жаловаться Юлиану не стоило – вряд ли этому бедолаге Иллицию приходилось сейчас лучше, чем ему. Иллицию и спать-то никто не даст, как бы сильно тот не хотел. Хотя... Хотя и Юлиан вряд ли в скором времени уснет.

Вопреки его ожиданиям, через несколько минут шум справа прекратился. Поначалу показалось, что Иллиций был там приговорен к высшей мере и мгновенно убит, однако это были только иллюзии. Шум не прекратился – он просто стал немного тише. Ожесточенные крики сменились на вполне себе спокойные голоса, а восторг сменился на подобие смирения.

Но относительный покой продлился недолго, потому что теперь уже входные двери отворились, что заставило инспектора Глесона мгновенно среагировать и подбежать к ним. Он не обратил на Юлиана никакого внимания, и юноша в душе был этому даже рад.

– О, наконец-то! – воскликнул инспектор, когда увидел гостей, которых, судя по всему, так долго ждал.

– Спать было гораздо приятнее, – послышался чей-то сухой и медленный голос.

– Такое дело не будет ждать, – немного робко ответил инспектор, после чего закрыл дверь.

– А я не спала, Люций, – на этот раз голос был женским. – И больше всего мечтала в этот скучный час о каком-нибудь весёлом приключении наподобие этого.

– И, как я понимаю, Агнус Иллиций был идеальным вариантом, – ответил её напарник всё таким же сухим голосом.

– Именно так. Как же давно я не резвилась на старых костях!

Мужчина выглядел достаточно типично для обычного интеллигентного жителя этого города – монотонный серый пиджак, примерно такие же брюки, и прямоугольные, едва видимые очки. В левой руке он держал короткую трость, но совсем не опирался на неё – вероятно, она служила для украшения. Волосы его почти поседели, но были длинными и спускались даже ниже плеч, будучи гладко зачесанными назад. К слову, две его блестящие залысины всё же были более чем заметны.

Женщина же выглядела заметно ярче. Будучи весьма высокой для своего пола, её рост лишь вызывал ощущение грандиозности, но нисколько не нелепости. На теле было только легкое зеленое платье, что было весьма несвойственно для хоть и летнего, но уже вечера. В то же время, на тонких и стройных ногах находились высокие кожаные сапоги, которые, хоть и добавляли дело вкусу, но никак не отражали сегодняшней погоды. На многочисленные украшения Юлиан внимания не обратил – было слишком далеко и тускло для того, чтобы разглядеть, какие камни в перстнях и какой пробы золото. И золото ли это вообще.

Внешне ей было примерно тридцать пять лет, но глядя на одежду и наружность, Юлиан понимал, что мужским вниманием даже в такие годы она нисколько не обделена.

– Ну и где этот подонок? – спросил герр Карниган, немного остановившись напротив камеры Юлиана.

Впрочем, никакого внимания на юношу никто из троицы сразу не обратил. Наверняка, посчитали его за мелкого воришку или за какой другой отброс общества.

Хотя не им ли Юлиан является?

– Там, в камере четырнадцать, – бегло пояснил инспектор Глесон, однако ответ не очень удовлетворил герра Карнигана:

– Четырнадцать? Почему именно там?

– Так он сама большая! – ответил инспектор.

– Но таких преступников положено отправлять сразу в подземелье.

– Да, мы так и хотели поступить. Но... Там слишком холодно, а со мной, кроме прочего, ещё несколько людей.

– Хорошо, – перебила всех женщина. – Пусть будет так. И нам, Люций, наверное, не стоит мерзнуть вместе с Иллицием.

– Не стоит, – согласился с ней Карниган, бегло окинув её с ног до головы и оценив её слишком лёгкое одеяние.

Когда они уходили, женщина всё же бросила на Юлиана беглый взгляд. Юноша знал, что он длился не более половины мгновения, но ощущение было такое, что этим самым взглядом она изучила его полностью: его самые сокровенные желания и мечты, самые секретные страхи и воспоминания, далекие мысли и ощущения.

Юлиан же не увидел в её глазах ничего. Кроме того, что они были удивительно ярко-зелёными, словно два изумруда, которые она сделала своими глазами. Женщина была красива и сейчас, в свои не юные годы, но, наверняка, с десятков лет назад, она была просто прекрасна.

Юлиан даже и не заметил, как она скрылась и он остался совершенно один в этом мире. Даже не было инспектора Глесона, потому что он тоже отправился выяснять отношения с Агну-сом Иллицием. Будь у Юлиана навыки взломщика замков, сейчас было бы проще простого сбежать отсюда и постараться запрыгнуть на ночной поезд до Грунндебайтена или усадьбы сеньора Раньери, попутно ещё и проехав «зайцем». Как можно дальше от всего этого.

Но такими навыками Юлиан не обладал.

Спустя час тихая идиллия, под которую юноша даже начал дремать, закончилась и из конца коридора послышались звуки приближающихся шагов.

– Мы выпытаем из него правду, чего бы нам это не стоило, – послышался сухой голос Люция Карнигана.

– Правду о том, что он делал в Свайзлаутерне? – вторил ему Глесон.

– Правду об этом, и о многом другом.

После этих слов троица приблизилась к Юлиану. Остальные, похоже, остались с преступником.

– Миссис Скуэйн, вы уверены, что не хотите остаться? – спросил инспектор у женщины.

– Несомненно, хотела бы, – ответила та. – Но сегодня мы от него ничего интересного мы не узнаем.

– Как знаете.

– Вас подвезти? – спросил у женщины Люций Карниган, который уже начинал зевать.

– Пожалуй, да. Не хочу ловить...

После этих слов она вдруг оборвала свою речь и резко посмотрела на Юлиана. Тому был очень не ловок её пронзительный взгляд, но он и сам не мог отвести от нее своих глаз.

– Кто это? – спросила она у Глесона.

– Бродяга, – отмахнулся тот. – Мелкий уличный воришка.

– Как зовут?

– Документов при себе не было. Не помню, как представился... Как тебя зовут? – обратился он в сторону юноши.

– Юлиан, – ответил он, словно именно в этот момент выйдя из того транса, в который его погрузила миссис Скуэйн.

– Юлиан, – прошептала она. – А что с ним будет, мистер Глесон?

– Даже и не знаю. Судить его как-то жаль за такую ерунду. Посидит тут несколько ночей, пока не объявятся родственники... Наложим на них штраф. Думаю, всё.

После этих слов на душе Юлиана полегчало, несмотря на то, что он и ранее догадывался, что примерно так всё и будет. Только вот теперь он точно знал, что в тюрьму уже не сядет.

– Нет, слишком сложно, – проговорила Скуэйн и немного приблизилась к Юлиану. – Я выплачу за него залог.

– Залог? – удивился инспектор Глесон.

– Я тебя умоляю, зачем тебе всё это нужно? – поразился Люций Карниган. – Мелкий уличный бродяга, какое дело может быть до него?

– Я же не спрашиваю, зачем тебе нужна трость, – ловко парировала та. – Особенно, учитывая то, что ты никогда и не хромал.

Карниган после этих слов отмахнулся и замолчал.

– Вы уверены? – спросил ещё раз Глесон.

– Да-да, я не подвергаю сомнениям свои слова. Давайте уже быстрее, я домой хочу.

– Да забирайте так, – уступил инспектор. – О каком ещё залоге может идти речь? Выкину я дело, которое завел на него. Какое дело может быть до таких мелких происшествий, когда мы самого Иллиция поймали?

– И то верно, – ответила Скуэйн. – Поезжай-ка домой, Люций, – обратилась она к напарнику.

– Мне не сложно подождать.

– Справлюсь с такси. Я же должна почитать мораль этому бедолаге.

До Юлиана только что дошло, что происходит. Его и вправду отпускают? Но за что? Кто эта странная женщина?

Спустя пять минут Юлиан стоял около выхода из полицейского участка, а инспектор Глесон смотрел на него так, словно парень являлся одним из конгрессменов местного парламента, не меньше. Похоже, эта таинственная миссис Скуэйн была очень большим и уважаемым человеком в этом городе. Интересно, настолько же большим, как сеньор Джампаоло Раньери или чуть меньше?

На улице тем временем заморосил дождь, а время глубоко перевалило за полночь. Скуэйн вызвала такси еще с телефона участка полиции, потому теперь оставалось только ждать.

Она вообще не говорила ни слова, хотя Юлиан так много хотел услышать. Он хотел узнать всё, но видел только её спину. Скуэйн уже стояла совсем мокрая, но, похоже, ей это было совершенно безразлично. Женщина стояла вдоль дороги и размеренно смотрела вдаль, ожидая автомобиля.

Может быть, он не должен стоять здесь? Может, она ждёт того, чтобы Юлиан пошёл дальше по своим делам и никогда больше не появлялся ни в этом городе, ни в её жизни?

Не стоило быть таким трусом, вот что Юлиан знал совершенно точно. Стоило спросить. Едва слышно кашлянув, он всё же проямлил:

– Извините... Кхм... Мне можно идти?

– Нет, – ответила та, даже не обернувшись. – Ты не сказал мне «спасибо»...

– Ооо... Я очень благодарен вам за освобождение... Спасибо, – процедил сквозь зубы он, выдержав недолгую паузу.

– Нет, – сказала миссис Скуэйн.

– Что нет? – удивился Юлиан.

– Не убеждает. Поедешь со мной.

Юлиан опешил. Такого поворота событий он точно не ожидал.

Как раз в этот момент к ним подъехала ретро-машина черной расцветки и остановилась в самый раз возле лужи. Неудивительно, что эта машина так долго ехала, если учесть её возраст.

Задняя дверь открылась и водитель пригласил миссис Скуэйн на сиденье. Юлиан всё ещё надеялся, что её слова были несмешной шуткой, и никто его в автомобиле не ждет. Но дверь не закрывалась. Именно тогда Юлиан понял, что бежать бессмысленно.

Перешагнув через лужу, он робко залез в машину и уселся как можно ближе к правому окну, подальше от миссис Скуэйн. Но её присутствие даже так он ощущал столь близко, как никогда. И особенно взгляд её ярких зеленых глаз.

Машина мгновенно тронулась и поехала в сторону ночного города.

– Вы... Вы пустите меня переночевать? – осмелился задать ещё один вопрос Юлиан.

– Не совсем. Я оказала тебе услугу, а ты теперь окажешь услугу мне. Будешь работать на меня. Моим личным слугой.

В этот момент Юлиан понял, что пора паниковать и рвать на себе волосы.

В ушах он даже слышал фантомный злоеший смех этой женщины...

3. Прислужник

«Жизнь невообразимо может меняться буквально за один день. Тебе никогда не узнать, когда именно он настанет. Оттого и прекрасно это блаженное неведение.»

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

А уже через несколько минут они въехали в окраину города, где машина и остановилась. К тому времени уже закончился дождь, но упорно не хотела кончаться эта непонятная ночь.

Миссис Скуэйн безмолвно отдала таксисту пару бумажек, после чего вышла из машины и приказала жестом сделать это и Юлиану.

Тот не хотел никуда выходить – он мечтал оказаться на краю этого света, или же, на крайний случай, в усадьбе своего деда. Да-да, в том самом месте, которое он сейчас ненавидел далеко не так сильно, как ещё утром.

Хотелось спросить у загадочной женщины ещё раз – а не шутка ли всё это. Глупый розыгрыш, так называемая прочитанная мораль за необоснованные действия на улицах большого и незнакомого города.

– Пошли уже, – сказала Скуэйн, и Юлиан понял, что это не шутка.

Дом её размерами уступал усадьбе сеньора Раньери, но в пару раз превосходил тот дом, где обычно жили Юлиан и его мать.

Он включал в себя три этажа – снаружи такие одинаковые и монотонные, нагоняющие только лишнюю порцию тоски, дополняющие весьма насыщенный, но далеко не лучший день его жизни.

Машина отъехала дальше тогда, когда Юлиан и Скуэйн уже зашли на территорию дома и двигались в сторону входной двери.

Юлиан ожидал увидеть во дворе дома небольшой сад с деревьями, такой, как был у его матери, но двор был абсолютно пуст. Зачем вообще иметь двор, если в нём нет даже пары деревьев?

– Улица Златокудрого Орла, дом номер девятнадцать, – сказала Скуэйн и постучала в дверь. – Теперь это твой новый адрес, не вздумай забыть его.

Юлиан сухо кивнул, а дверь отворилась. На пороге стоял пожилой уже и невысокий мужчина, с торчащими на висках остатками седых волос, одетый в парадный костюм по образцу деда Юлиана. Носить в такой поздний час строгий костюм, да ещё и дома, было верхом безумства, но годы знакомства с сеньором Раньери приучили Юлиана смотреть на такое довольно привычным взглядом.

– Я уже не ожидал увидеть вас сегодня, миссис Скуэйн, – сказал мужчина, заметив робко стоящего сзади Юлиана. – У вас гость?

Казалось, его взгляд излучал немалое удивление, потому что подобных гостей в этом доме ему видеть вряд ли доводилось.

– Не гость, – ответила миссис Скуэйн, зайдя в дом. – А мой новый слуга и твой коллега, Джо.

– Что? – удивился мужчина. – Вы наняли слугу в столь поздний час?

Теперь его удивление преумножилось ещё в сотню раз.

– Скажем так, он доброволец.

В эту самую секунду часы, висящие возле порога, пробили начало нового часа, и Юлиан неловко задрал голову, чтобы узнать, сколько же времени. Ровно два. Что ж, немало. Но дома, тем более летом, Юлиан и вовсе не считал это время за позднее.

– Я могу ему помочь чем-то? – спросил Джо.

– Нет. Он и сам всё может. Заходи уже, нечего порог топтать, – обратилась она к Юлиану, и тому пришлось подчиниться.

Дверь громко захлопнулась, что заставило юношу немного содрогнуться.

– Мне разуться? – спросил он.

– Дело твоё. Всё равно полы с этого дня в доме будешь мыть ты.

Юлиан недовольно кивнул и для приличия разулся.

– В этом доме носят сменную обувь, – сказала Скуэйн и указала рукой на стоящие возле входа строгие ботинки.

Юлиан до ужаса не любил такую обувь, но у него не оставалась выбора, кроме как надеть это. При всём этом он ощущал себя выглядящим как полнейший идиот. Как впрочем, и в любой раз, когда он надевал интеллигентную одежду или обувь.

Аккурат его размера – наверняка туфли сами меняют размер в зависимости от того, кто их надевает.

– Принеси мне сухую одежду, Джо, – сказала она слуге. – Аа то я совсем уже промокла. Это мой дворецкий, Юлиан. Теперь ты будешь видеть его едва ли не чаще, чем меня.

Юлиан снова недовольно кивнул и прошёл внутрь. За прихожей сразу простиралась огромная гостиная, середину которой украшал такой же огромный стол, уже уставленный фруктами, соком и тому подобным.

По обеим сторонам гостиной уходили вверх высокие лестницы на другие этажи. И такая структура в целом напомнила Юлиану дом его деда. Дом, который он терпеть не мог. И этот дом он не мог терпеть даже до того момента, как в первый раз увидел его.

– Можешь присесть, – сказала Юлиану миссис Скуэйн. – Как зовут тебя, говоришь?

– Юлиан. Вы только что называли меня по имени.

– Юлиан... Очень красивое имя, – промолвила она таким голосом, словно её мысли отправились в далекое ностальгическое прошлое.

Юлиан промолчал, в глубине души надеясь, что она не спросит его фамилии. Как раз в это время с левой лестницы спустился дворецкий Джо, неся красное платье, практически идентичное тому, какое сейчас было надето на миссис Скуэйн, только, разумеется, другого цвета.

– Значит, промышляешь ты мелким воровством на улицах? – спросила она у Юлиана, взяв в руки платье.

– Ничем таким я не промышляю, – немного заикаясь, ответил юноша. – Я хотел вернуть то, что уличный вор украл у меня...

– Неважно, – парировала миссис Скуэйн.

Она чуть подкинула платье вверх, и уже через мгновение оно оказалось на ней, словно по волшебству. Только Юлиан знал, что ни по какому не волшебству. Вернее, как раз-таки по волшебству, но знающие люди не считали приемлемым называть так хоть и весьма удивительные, но несколько не противоречащие естественным законам способности. С таким же успехом она могла одним лишь взмахом пальца или ладони высушить зеленое платье, но почему то не сделала этого. Странно, однако.

– Сделай мне глентвейна на ночь, Джо, – сказала женщина своему дворецкому, на что тот молча кивнул, после чего она обратилась уже к Юлиану. – Смотри внимательнее на его действия, потому что с этого дня глентвейн мне варить будешь ты.

– Я? Но я не умею, – опешил Юлиан, но всё же посмотрел в сторону Джо, который проделывал какие-то хитроумные операции за кухонным столом.

– Тебе же хуже, – равнодушно сказала Скуэйн. – Но, благо, меня это совершенно не волнует. С этого дня у тебя есть четкий план твоих обязанностей, от которых ты отступать не должен ни на шаг.

После этих слов Юлиан приготовился к чему-то страшному. Каким бы ни был этот план, деньги за это Юлиан хоть получать будет? От этого прямо зависело, кем же теперь он станет – рабом или наёмной прислугой.

– Я должен их записать? – спросил он.

– А ты сообразительней, чем я думала, – сказала женщина и протянула ему невесть откуда появившиеся блокнот и перо. Перо. Обычное гусиное перо. А через секунду появились и чернила.

– Но я не умею писать пером, – недовольно пробурчал Юлиан.

– Тоже не волнует. Должен научиться. И так... Готов? Первое – каждое утро ты готовишь мне завтрак.

Юлиан неловко взял перо в руку, окунул в чернильницу и неловко начал записывать сказанное его новой хозяйкой. Получалось плохо – чернила размазывалось, да и перо в руке не сидело. К тому же он окунал перо в чернильницу после каждого слова, что провоцировало опять же кляксы.

Миссис Скуэйн тем временем пристально смотрела на его левую руку, которой он имел неуважение при ней писать. Словно бы она увидела что-то неожиданное и невообразимое, и, человек, предпочитающий левую руку в письме, виделся ей впервые.

Юлиана это смущало ещё больше, оттого и почерк начал становиться ещё более корявым. Едва увидев, что Юлиан худо-бедно дописал сказанное, Скуэйн продолжила:

– Второе – обед и ужин ты готовишь не сам, но помогаешь по кухне повару, выполняя все его поручения безукоризненно. Безукоризненно. Запиши это слово дважды.

Юлиан кивнул.

– Третье. Ты мой личный виночерпий, и это огромная честь. Про честь не пиши ничего, ты не должен вспоминать об этом всякий раз, когда перечитываешь эту книгу. Это значит, что в любое время суток ты должен наливать мне вина, когда я прошу, и ходить за ним в погреб.

Странная просьба, и довольно заманчивая. От вина сейчас Юлиан и сам бы не отказался, тем более после такого напряженного дня. Только вот вряд ли ему кто-то это предложит.

– Четвертое. Ответственный по гостям теперь тоже ты, а не Джо. Открываешь им двери, вежливо приветствуешь... И «вежливо» тоже запиши дважды. И... Вешаешь их пальто или другую верхнюю одежду в гардероб. Обслуживаешь их прихоти во время моих встреч с ними, ибо в эти моменты они столь же твои хозяева, как и я.

А эта обязанность Юлиану понравилась меньше всего. Абсолютно меньше всего. Показываться на глаза тысячам людей, словно ряженный попугай, он вовсе не хотел.

Но послушно записал всё, что услышал.

– Ну и медленно же ты пишешь, – проворчала Скуэйн и продолжила. – Пятое. Ты ухаживаешь за моим личным драконом. Кормишь его, убираешь его клетку, чистишь ему крылья и зубы.

Поначалу Юлиан машинально записывал первые слова, но когда понял смысл слова «дракон», словно подорвался на месте:

– Дракон? Что? У вас есть дракон?

– Не удивляйся. У меня много что есть, и сейчас не время всё это обсуждать. Как-нибудь потом покажу.

А лицензия на дракона у неё вообще есть или он тут незаконно? Везде, где Юлиану приходилось бывать раньше, дракон считался холодным оружием. Холодным, но с весьма и весьма горячим дыханием.

Тем временем Джо поднес миссис Скуэйн небольшой поднос со стоящим на нём прозрачным высоким стаканом с дымящимся содержимым внутри. В нос Юлиана мгновенно ударил аромат меда, смешанный с корицей и перцем, после чего ему весьма захотелось отведать того, что собиралась пить эта женщина. Но, увы, никто не предложил.

– Шестое, – сказала миссис Скуэйн, немного отхлебнув глинтвейна. – Ты следишь за моей личной обсерваторией. А именно настраиваешь телескопы.

– Зачем их настраивать? – не удержался и спросил Юлиан. – И как?

– Я пару лет назад приобрела трёх феечек, но спустя это время их вдруг стало около двадцати, и я отправила их жить в обсерваторию, потому что больше некуда. Они очень любопытны, но очень неаккуратны, и каждую ночь после них разруха... Да... Каждое утро эту разруху приводишь в порядок ты. Но это тот же пункт.

Отлично. Ещё и феечки.

– Кормишь феечек, благо, не ты. На этот случай у меня есть отдельный человек.

Юлиану от этих слов если и стало легче, то совсем чуть-чуть.

– Седьмой пункт. С утра ты читаешь мне свежую газету, когда я завтракаю. А когда твой голос надоест мне, включаешь радио и переключаешь на те волны, которые я тебе велю. Самое легкое поручение.

Читать Юлиан любил, но вряд ли вслух и вряд ли то, что не приносит ему удовольствие. Зато радио терпеть не мог. Телевизор был гораздо лучшим другом, только вот в этом доме такой хитроумный аппарат Юлиану увидеть ещё не довелось.

– Восьмой пункт на сегодня будет, пожалуй, последним. И это самая сложная обязанность. Я, Ривальда Скуэйн, являюсь для тебя здесь мэром, королем и губернатором и выполняешь ты все мои просьбы, независимо от степени их абстрактности.

Она на несколько секунд замолчала, но в этот раз Юлиан только делал вид, что писал. С таким он смириться не мог.

– В этот же пункт входит обязанность не быть таким идиотом, – продолжила Скуэйн, которая теперь стала ещё и Ривальдой.

– Что? – неосмысленно переспросил Юлиан.

– Этому перу не требуются чернила, оно отлично пишет и без них, – недовольно сказала Ривальда, после чего даже немного улыбнулась. – Времена чернил уже давно канули в Лету.

Юлиан соорудил донельзя недовольную мину и попытался нацарапать что-то на листе блокнота пустым пером. И, надо же, писало оно отнюдь не хуже. Только вот на этот раз всё это делать было весьма удобней.

Дурак. На такую удочку попался.

– Дай посмотри, что написал, – сказала Скуэйн и выхватила блокнот из-под руки Юлиана без его разрешения.

В течение пары секунд она пристально вглядывалась в написанное, после чего недовольно и даже дерзко спросила:

– Какой у тебя отвратительный почерк... Почему не записал последний пункт?

– Он неуважителен, – неожиданно выкинул Юлиан.

– Неуважителен? – казалось, что Скуэйн вот-вот взорвется, но что-то ещё сдерживало её. – Ты нарушил восьмое правило только что и в следующий раз за подобное будешь наказан.

Юлиану очень не нравился её тон, да и опрометчивая его смелость мигом куда-то улетучилась. Теперь ему предстояло сидеть и, молча опустив голову, ждать дальнейшего развития событий.

– Тебе не нужны чернила, а мне не нужно и перо, – недовольно протороторила и она и протянула блокнот Юлиану.

Теперь там уже красовался пункт «восемь» и включал он в себя следующее: «Я никогда не должен подвергать сомнению свою обязанность повиноваться миссис Ривальде Скуэйн во всём. Во всём. И я полнейший идиот». Причем написано всё это было почерком Юлиана. Ловко это она.

Сзади послышался тихий кашель и незаметный до этого дворецкий Джо, о существовании которого в последние несколько минут все уже позабыли, проговорил:

– Прошу прощения, миссис Скуэйн. Но что тогда буду делать я?

– Ты? – немного озадачилась вопросом она. – А ты будешь учить его.

Тот сухо кивнул и продолжил безмолвно стоять, словно призрак.

– Кончилось, – сказала Скуэйн, глядя в свой бокал. – Новый создать уже не могу, его можно только сварить. Никто не может, даже я.

Неизвестно, кому он всё это говорила, но и Юлиан, и Джо в ответ промолчали.

Однако спустя минуту Юлиан неожиданно выпалил:

– Я внук Джампаоло Раньери!

Скуэйн недовольно обернулась и переспросила:

– Кто?

– Внук. Сеньора Джампаоло Раньери.

– А он известный человек?

Джо в этот момент посмотрел на свою работодательницу довольно удивленным взглядом.

– Известный, – гордо ответил Юлиан, тем временем умоляя в душе фамилию деда спасти его далеко не в первый, но в последний раз.

– А я не знаю такого, – безразлично сказала Ривальда и Скуэйн, и, поставив пустой бокал на стол, обратилась уже к обоим своим визави. – Теперь можете идти спать. Юлиан, знаешь, где твоя новая комната?

– Нет, откуда мне...

– Третий этаж, налево до упора... Повезло, что как раз вчера освободили склад. Почти.

– Позвольте, я провожу нового слугу до его комнаты? – обратился дворецкий Джо к Скуэйн. Та не препятствовала, молча кивнув.

Интересно, а старину Джо она заманила сюда таким же способом, что и Юлиана? Всё-таки уж слишком уважительно он общался с Ривальдой, а такое обращение можно обрести только методом запугивания, не больше и не меньше.

Не пошел же он сюда работать по своей воле. Никто бы не пошёл.

Дворецкий, не промолвив ни слова, развернулся и пошёл в сторону лестницы. Юлиан понял, что он должен идти за ним, не задавая никаких лишних вопросов.

В это же самое время, наверняка по желанию миссис Скуэйн, в гостиной погас свет и загорелись несколько свечей на столе. Стало быть, эта необычная женщина предпочитала полумрак обычной светлой жизни.

Но даже в таком скудном освещении Юлиан смог заметить, что по всей территории холла и гостиной на стенах висели многочисленные картины, закованные в дорогущие и очень красивые рамки. Юлиан плохо разбирался в искусстве, но догадывался, что среди этих картин немало оригиналов, а возможно и вовсе оригиналом здесь является всё.

На протяжении недолгой дороги Джо молчал, и Юлиан не осмеливался что-либо спросить у него. Несмотря на то, что вопросов у него скопилось за этот вечер очень и очень немало, и его внутренности буквально разрывало желание задать хоть пару вопросов.

Джо вообще показался ему вполне нормальным человеком, особенно если сравнивать его с миссис Скуэйн. И, непременно, едва немного сблизившись с ним, Юлиан выпросит всё, что томится у него в душе и не дает покоя.

На самом конце темного коридора дворецкий повернул невесть откуда взявшийся ключ и открыл помещение, которое, судя по всему, должно стать теперь постоянным жилищем Юлиана.

Джо так и стоял, держа открытую дверь и ожидая, когда Юлиан в неё пройдёт. Поначалу юноша не осмеливался это сделать, но, не желая огорчать старика дворецкого, всё же сдался.

Загорелся тусклый свет, и Юлиан увидел комнату. Нельзя было сказать, что она удивила его. Она его просто поразила, ибо больше напоминала сарай. Едва ли не весь участок пола был заставлены коробками с книгами и неизвестными запылившимися предметами, а обои на стенах если и были, то больше напоминали голые стены в тюрьме. Окно, выходящее на ночной Свайзлаутерн с тысячами горящих уличных фонарей, не было разбито, и это хотя бы малейшим образом скрашивало все остальные скверные факты.

– Тут немало пыли, но завтра её приберут, – сказал дворецкий всё тем же размеренным, равнодушным голосом.

– Немало? – переспросил Юлиан, так как ему казалось, что пыли здесь было даже больше, чем хлама.

– Доброй ночи, сэръ, – предпочел уйти от разговора Джо и мигом закрыл за собой дверь, оставив Юлиана здесь совершенно одного.

С правой стороны помещения находился непонятный деревянный ящик, который, как понял Юлиан, является его новой кроватью.

Он готов был взорваться и разломать здесь всё, потому что такое положение дел абсолютно его не устраивало. Но в этом случае Ривальда Скуэйн просто-напросто убьёт его. А этого Юлиан хотел меньше, чем спать на ящике среди хлама.

Он непременно рассмотрит всё, что находится в коробках, изучит это, и найдёт, как применить весь этот хлам на пользу. Но только не сегодня. Сегодня надо спать. И плевать на чем.

Он осторожно снял ботинки с носками, затем свитер и присел на кровать. Джинсы снимать он категорически отказался, потому что никакой пижамы тут не предусматривалось, а на доске спать с голыми ногами не очень хотелось.

Спать хотелось так сильно, что он уже морально подготовился ко всему этому. Другого выхода всё равно не было.

Однако, перед тем, как уснуть, он заметил на другой стороне комнаты гигантский портрет, висевший здесь словно совсем не к месту. На нём яркими красками был нарисован немного знакомой наружности старик, уже изрядно полысевший, но остатки волос которого длинными седыми прядями свисали с висков. В столь невыразительном свете изучить остальные детали Юлиану вряд ли удалось бы, но он всё же встал с кровати для того, чтобы прочитать, кто же его новый сосед по комнате.

«Меркольт». Всё, что было написано. У Юлиана было это имя немного на слуху, и, вроде бы из школьных уроков истории. Однако углубляться во всё это ему очень не хотелось.

Старик сверлил его неживым взглядом даже тогда, когда Юлиан был повернут спиной к нему. Он вообще очень долго ворочался на жесткой поверхности. Однако, в итоге ему всё же удалось уснуть.

А утром прямо над его ухом зазвенел протяжный и противный звон какого-то колокольчика, который не прекращался до тех пор, пока Юлиан наконец-то не привстал. Очнулся он почему-то уже на подушке и под одеялом, а на кровати, прямо под ним, лежал вполне себе мягкий матрац. Наверное, Юлиану приснилась подобная роскошь и впоследствии воплотилась в реальность.

Или же всё произошедшее вчера было простым сном, а проснулся он у деда или матери.

Но нет. Он проснулся там, где и ложился. А колокольчик, висевший на шкафчике над его кроватью, служил чем-то вроде будильника.

Всё ещё зевая и адски желая снова уснуть, Юлиан медленно обулся и посмотрел в окно. Утро было ранним, потому что солнце только вставало. В такой час юноша просыпаться, увы, не привык. Но боязнь быть наказанным полностью перекрыла все его старые привычки.

Спустившись вниз, он заметил сидящую за столом уже полностью одетую миссис Скуэйн, смотревшую на юношу таким взглядом, словно ждала его два часа, не меньше.

– Пора привыкать приходить быстрее по моему зову, – недовольно сказала она, когда Юлиан приблизился к ней.

Часы показывали только семь. Юлиан последний раз заставал семь часов утра тогда, когда ложился в половину восьмого.

– К вашим услугам, – сонно проговорил Юлиан, не осмелившись смотреть в её глаза.

– Завтрак, – коротко ответила ему миссис Скуэйн.

– Какой завтрак вы желаете?

– А ты ещё не знаешь? По утрам я предпочитаю глазунью из двух яиц с беконом. Приступай, а то я на работу опоздаю.

Юлиан кивнул. Ему не приходилось готовить раньше самому, но он вроде бы помнил, как делается яичница. Только вроде без бекона, но он не думал, что это доставит ему дополнительные трудности.

Несколько минут ушло у него на то, чтобы найти сковороду, затем мешалку, полотенце, яйца, бекон, соль и масло.

В качестве кухонной плиты здесь выступало непонятное сооружение, напоминающее что-то вроде камина, только вот с гладкой поверхностью, на которую, судя по всему, следовало ставить ту посуду, в которой приходится готовить.

– Пиромант! – воскликнул Юлиан и огонь в камине немедленно загорелся.

Наверняка миссис Скуэйн удивил тот факт, что Юлиан нашел способ зажечь этот камин другим, не человеческим способом. Ей бы совершенно точно доставило удовольствие лицезреть то, как Юлиан при помощи спичек и дров будет пытаться добыть огонь.

Налив в сковороду обильное число масла, он положил туда аппетитный кусок мяса, который и сам был бы не прочь съесть, и стал ждать, когда тот подрумянится.

Всё это время миссис Скуэйн не произносила ни слова, но и не отводила от Юлиана глаз. Его это смущало до такой степени, что он готов был погасить огонь и убежать отсюда на край света. Только вот бежать было некуда и края света не существовало.

Он не знал, почему поступил именно так, но, во время того как разбивал яйцо о край сковороды, посмотрел на миссис Скуэйн, не сводящую с него взгляда. В этот раз, по уже ставшему нормой закону логики, яйцо разбилось, и его остатки полетели на пол.

– Так и думала, – закатив глаза, проговорила она и посмотрела на остатки желтка и белка.

– Я всё приберу, – робко пробормотал Юлиан.

– Уберешь, я знаю. Потом приготовишь и съешь.

– Что? – не выдержал Юлиан.

– Что слышал. Я останусь без завтрака, а ты съешь это вкуснейшее яйцо. И не вздумай ослушаться, – на этих словах выражение её лица резко переменялось.

Юлиан опешил. В процессе того как он собирал яйцо с пола, он очень надеялся, что эта злая тетка передумает, но... Бекон уже подгорел и пахивал сажей, и яйцо этого дела не исправило бы, но ужасная женщина продолжала молчать, с вопиющим, как казалось Юлиану, удовольствием, наблюдая за всем этим.

Когда яичница вроде поджарилась, Юлиан поставил сковороду на стол перед собой и взял в правую руку нож, а в левую вилку. Вроде по этикету.

Когда уже вилка с этим отвратительным содержимым приближалась к его рту, Скуэйн резко его остановила:

– Идиот. Ты снова нарушил правило, на этот раз восьмое. Ты не должен быть идиотом.

Она нервно взмахнула рукой, и сковорода беспардонно улетело прямо в окно. Стекло, конечно, разбилось, но уже через четвертую часть секунды снова стало целым.

– Невообразимый идиот, – сказала она. – Пойду на работу голодной. Постарайся в остальной своей работе на сегодня так не наглупить.

– Какую работу я должен выполнить? – угрюмо спросил униженный и пристыженный Юлиан.

– Список возьмешь у Джо.

Она резко встала и удалилась, оставив Юлиана одного в огромной гостиной. Настроение уже с утра было хуже некуда – Ривальда смогла его унижить, не прилагая никаких усилий.

Юлиан дождался дворцового примерно через десяток минут. Джо ворвался в гостиную всё так же с иголки одетым и с каким-то подносом под полотенцем. Увидев Юлиана, тот только вежливо кивнул ему и протянул небольшую желтую бумажку тому в руку.

Юноша ожидал каких-то пояснений от старика, но тот исчез, едва только Юлиан опустил глаза на список и попытался начать читать.

Придётся разбираться самому.

Он развернул листок полностью и принялся читать написанное идеально каллиграфическим почерком:

«Для Мерлина

Расписание рабочего дня.

Пункт первый – накормить дракона. Дракон, имени Драго Лорис Бенджес II, восьми месяцев от роду, вид Дракон Северный. Принимает завтрак в 9—00 утра, питается сырым мясом, купленным в лавке у Боргса на улице Сверчковой. Покупать следует именно у Боргса, мясо Грэмиша есть он не станет. Кормить шестью кусками по половине фунта в каждом, интервалом в одну минуту ровно.

Сегодня Вам не придется идти в лавку за мясом, так как на ближайшие двое суток мясо закуплено. Инструкции о нахождении корма получите опять же от Джо.

Пункт второй – навести порядок в моей обсерватории, а так же настроить телескопы, которые могли испортить феи. Обсерватория находится в левой части чердака, примерно над Вашей комнатой. Убираться следует сразу же после того, как феи позавтракают, иначе все усилия буду тщетны.

Третий пункт – во время подготовки к ужину Вы должны помогать шеф-повару и всем полагающимся работникам. Указания получите от них.

Ривальда Скуэйн

P.S. Ваша зубная щетка уже в умывальнице.»

Всё.

Самым странным было то, что Ривальда Скуэйн всё же знала его фамилию, которую он пытался скрыть от неё. Наверняка узнала её от инспектора Глесона, когда освобождала незадачливого узника Юлиана. Или же просто прочитала мысли юноши, чему он совершенно не удивился бы.

Почистив зубы и дождавшись 8—40, Юлиан отправился на поиски дворецкого, которого нашел как раз на чердаке, ухаживающего за многочисленными цветами. Надо же – при полном отсутствии растительности снаружи такой богатый сад внутри.

Признаться, Юлиан не ожидал увидеть здесь столько яркую красоту, потому что в этом доме ни одного цветка он ранее не замечал. Это была левая сторона чердака, а на правой, стало быть, находится обсерватория, куда он отправится после того, как покормит дракона. По крайней мере, если ему после этого будет на чем идти.

– Простите, сэр, – отвлек Юлиан Джо. – Я пришел за кормом для дракона.

– Возьми в углу, за геранью, – ответил дворецкий, даже не оборачиваясь в сторону юного слуги. – Дракон, если что, на улице, сразу за черным ходом.

Юлиану неожиданно пришло в голову, что эта была первая фраза Джо, которую он адресовал непосредственно Юлиану. Наверное, контакт налаживается, пусть и черепашьими шагами.

Больше дворецкий ничего не говорил, но Юлиану и этого было достаточно.

В корзине с мясом, которую он понес вниз, было где-то вдвое больше корма, чем полагалось дракоше, но пришлось взять с собой всё, ибо Юлиан не знал, куда выложить остальное.

С трудом найдя черный ход и, поняв, что на несколько минут опоздал, Юлиан всё же вылез на улицу. Стоит признать, что юноша еще раз удивился, потому что увидел снаружи небольшой летний парк. Надо же – вчерашней ночью он совершенно его не заметил. Несмотря на наступление начала сентября, тут было время июля, не позже. Очередное ухищрение Ривальды Скуэйн. Видимо, и впрямь она была сильна.

– Дракоша, – тихо позвал Юлиан, размахивая корзиной с мясом и боясь спугнуть опасную рептилию.

Несмотря на свой восьмимесячный возраст, размером это чудовище было не меньше Юлиана. Каким же оно станет через пару лет?

– Ну здравствуй, Драго кто-то там второй, – проговорил Юлиан, всё ещё боясь подойти поближе.

На самом деле дракоша был настоящим милашкой, и юноше начинало казаться, что опасности никакой он не представляет. Зубы еще окончательно не заострились, словно сабли, крылья были ещё очень маленькими, к тому же слишком тонкими и едва ли не прозрачными. Когти тоже едва только начали вылезать.

– Прости, что опоздал, приятель, – сказал Юлиан, и, вытащив солидный кусок сырого мяса, кинул его прямо в зубы маленькому дракону.

Тот неловко и по-детски поймал его и принялся неуклюже жевать, на что Юлиан смотрел с непривычным для себя умилением. Он и драконов-то видел только в зоопарках лет семь назад, да и то это были самые безопасные одомашненные породы. А особи северного вида столетия назад вроде как являлись самым грозным оружием на войне.

Спустя минуту Юлиан понял, что пора давать дракоше добавки, но что-то пошло не так. Драго схватил зубами мясо, мгновенно проглотил и тут же кинулся на корзину, в которой находилось столь вожаденная им добавка.

Юлиан мгновенно убрал корзинку, но дракончик сдаваться не собирался, подняв голову вверх и принявшись глубоко и быстро дышать. Юлиан, к счастью, знал, что это такое. Назревал огонь. Всеубивающее жаркое драконье пламя.

Он вытащил еще кусок мяса и кинул в Драго, но тот уже никак не среагировал на еду, увидев более привлекательный вариант в лице самого Юлиана.

Когда дракон обжег легким пламенем правую руку Юлиана, тот в сердцах кинул корзинку с мясом и принялся бежать, что есть мочи. Он не мог найти выход из парка, который почему-то неожиданно потерялся, а дракон в это время короткими, но быстрыми шажками бежал за ним.

Второй заряд пламени был заметно больше первого, но всё же не достал до Юлиана. Рука горела, но юноша старался не обращать на это внимания. Разберется потом.

В конечном итоге длинная цепь, на которую был привязан дракон, не позволила ему бежать дальше за Юлианом, и он остановился.

– К черту, – пробормотал Юлиан, всё больше и больше проклиная тот день, когда решил сбежать от бабушки. Вчерашний день.

Дракон, похоже, утомился, и, попытавшись снова сделать милый взгляд, уставился на Юлиана. Тот ему ничем подобным отвечать не собирался, осмотрев лишь свой ожог. Не так страшно, наверное, потому что дракончик ещё совсем молодой, и его пламя вряд ли сможет кого-то убить.

Невероятно злой Юлиан выбежал из парка, едва найдя дверь, и зарекся найти любой способ сделать так, чтобы больше не возвращаться к этому маленькому, милому и смертоносному чудовищу.

Он нашел дворецкого всё там же, наверху, но на этот раз он уже не ухаживал за цветами, а смотрел в окно, попивая при этом горячий чай.

– Простите, сэр, – влез Юлиан.

– Я слушаю, – сказал Джо и обернулся.

– Дракон тут немного поджег меня, – принялся жаловаться он, после чего показал обожженную руку, которая уже начала покрываться волдырями.

– Надо же, – усмехнулся Джо, подойдя поближе и начав рассматривать ожог. – Похоже, наш Драго произвел свой первый огонь. Несомненный успех, миссис Ривальда оценит...

– Оценит?

– Ну да. Она ждала этого последние два месяца, а тут появился ты и смог развести в нём этот огонь.

– С рукой что делать? – вновь перебил старика Юлиан.

– Ах, с рукой, – Джо на секунду задумался, поставив чай на подоконник. – Сейчас чего-нибудь придумаю.

Он подошел к какому-то растению, внимательно осмотрел, после чего сорвал оттуда самый большой лист и обратился к Юлиану:

– Вытяни руку. Что-то вроде подорожника, только крупнее и действует в мириаду раз быстрее.

Джо довольно ловко обернул руку листом, который увеличивался в процессе этого, после чего постучал по месту ранения. Юлиан не почувствовал адской вопиющей боли, хотя ожидал её. Лист плотно прилип к руке, и отлипнуть, похоже, не собирался.

– А освобождения за это не полагается? – недовольно спросил юноша.

– Нет, – резко отрезал дворецкий. – Ты работоспособен, а это единственное и главное. Кажется, ты должен навести порядок в обсерватории?

– Да.

– Тогда попей со мной чаю и иди. Через полчаса они будут сыты.

– Хорошо. Просите, сэ, а что это за растение? – спросил Юлиан про ярко-красное растение, которое сейчас не давало покоя его глазам.

– Красный призрак, – не оглядываясь в сторону Юлиана, сказал Джо. – Сейчас такое время, что он перевозбужден. Вот и трогает всех.

– Красный призрак? Он меня не задушит?

– Нет. Это мирное растение. Совсем скоро его листья мы обрежем. Кстати, если съесть листок красного призрака, станешь невидим и неслышим. Хочешь проверить?

– Нет, – отмахнулся Юлиан. – Ведь тогда я сбегу, и миссис Скуэйи вас накажет.

Увидев, что Джо всё ещё не смотрит в его сторону, Юлиан оторвал несколько красных листьев и положил себе в карман. Пригодится когда-нибудь. Ведь жизнь полна всяких сюр-призов.

Пока Юлиан пил чай, Джо не переставая рассказывал Юлиану про драконов и феечек, словно знал он о них всё. Юлиану было это не сильно интересно, но слушал он с удовольствием, ибо позитивно настроенного к себе человека не видел он очень и очень давно.

Он совершенно точно забудет, в какую неделю какого месяца северный дракон обычно сбрасывает кожу и наращивает себе новую, как размножаются феечки, если среди них особей мужского пола, почему они, хищного вида по факту, питаются только растительной и пищей и многое другое.

Не забудет он помощь Джо.

Обсерватория была маленьким затхлым помещением, в которое, похоже, миссис Ривальда Скуэйи ходила не чаще, чем раз в полгода. Телескопы были запылены, окно, в которое они смотрели, тоже не протирали с пару месяцев, а на полу в изрядном количестве валялись остатки корма, которые феечки не удосужились доест.

Весь потолок был усеян этими маленькими полумрачными существами, и было их здесь не около двадцати, как говорила Скуэйи, а все сорок. Благо, все они после сытного завтрака спали, сладко похрапывая и даже улыбаясь.

Но не дай кому счастья застать их голодными.

Тут находилось всего три телескопа – один прямо-таки гигантский, и два других заметно уступали ему в размерах. Как их настраивать, Юлиан совершенно не знал, потому решил пока оставить это на потом и тогда уже что-нибудь придумать.

Убираться он очень не любил, но другого выбора у паренька совершенно не было. Получалось весьма неплохо, потому что уже через какие-то полчаса помещение блестело, и Юлиан даже был весьма горд самим собой.

Какая-то феечка на стене слегка дрогнула, тем самым немного напугав Юлиана, но напряжение прошло, когда он понял, что она это во сне.

Юноша подошел к телескопу, стоящему левее всех остальных, и уставился в него.

Есть ли какой-то толк смотреть в телескоп утром? Оказалось, что есть. Он увидел там огромные газовые облака, отливающие разноцветными красками, словно радуга. И всё это посреди черного космического пространства, усеянного звездами. Довольно неплохо – зачем тут что-то менять?

Другой телескоп понравился Юлиану гораздо меньше, потому что там он увидел какое-то гигантское красное солнце, которое за долю мгновения секунды налил его глаз наипростейшим светом и заставило отпрянуть. Перед глазами меркали черные круги, которые еще ближайšie пару минут не давали толком видеть. Юлиан понял, что если попытается что-то там настроить, то попросту ослепнет. И неизвестно, захочет ли миссис Скуэйн возвращать ему зрение.

Оттого и в третий телескоп Юлиан не горел желанием заглядывать, но любопытство его пересилило. Осторожно приблизив к линзе тот глаз, который после атаки неизвестным солнцем видел чуть лучше, он раскрыл его и взглянул. Не было ни космических пространств, ни ослепляющего солнечного света. Была зеленая и долгая равнина, по которой размеренным шагом продвигался отряд странных, едва ли не первобытных людей. Одеты они были только в набедренные повязки да во всевозможные обереги, в силе которых Юлиан очень и очень сомневался.

Когда они приблизились к полю зрения, Юлиан даже смог разглядеть некоторые их лица – загорелые, но весьма обветренные. Человек, которого Юлиан принял за их вождя, неожиданно остановился и жестом приказал сделать то же самое своему отряду. Он посмотрел, казалось, прямо в глаза Юлиану, после чего вскинул левую руку вверх, а правой метнул деревянное копьё прямо в сторону телескопа.

В этот же момент что-то укусило Юлиана за руку, а в наружную сторону телескопа что-то громко ударило. Нет – это было не копьё. Проснулась одна из феечек, которая, скорее всего и укусила Юлиана.

Отпрянув от телескопа, Юлиан с ужасом понял, что феечка вовсе и не одна – они все окружили его и были готовы атаковать. Индивидуально они были совсем неопасны, но вот в стае...

К тому же, бежать было некуда.

Они мгновенно оскалили свои маленькие зубки и кинулись на Юлиана, обратив его в бегство. Их что – не накормили вовсе?

Когда Юлиан кружил по комнате в безнадежной попытке спастись, он посшибал ногами все, что стояло на полу, а потом задел и какой-то телескоп, наверняка сбив его в совершенно другую сторону.

А потом и вовсе споткнулся обо что-то и с грохотом упал на деревянный пол. Это был конец – с полсотни феечек висели над ним и были готовы без раздумий сожрать его.

Первое, что пришло в голову – это заколдовать их. Но в голову Юлиана не приходило совершенно ни одного маневра. Усыпить их было бы отличным вариантом, но он совершенно забыл, как это делается.

– Клефи Драугур! – в порыве гнева, совершенно неосознанно прокричал Юлиан, выставив вперед левую руку.

Сработало – откуда не возьмись, из потолка посыпались железные пластины, которые, окружив всех феечек, сомкнулись в одну большую клетку. Клетка зависла над потолком, оставив фей совершенно не у дел. Теперь злосчастные феечки могут делать совсем что угодно – из призрачной клетки им никак не выбраться, пока кто-то не расколдует их обратно.

Теперь можно убираться спокойно. До тех пор, пока не вернется миссис Скуэйн и не поинтересуется, почему её любимицы томятся в плену в клетке на потолке.

Интересно – в этом доме всё пытается убить Юлиана?

Третий пункт обязанностей Юлиана на сегодня оказался просто легкой прогулкой – на кухне никто ничего не заставлял его делать. Судя по всему, повара не хотели доверять ничего человеку, которому не удалось даже более-менее годно пожарить глазунью с беконом.

К тому же, здесь его вполне себе вкусно накормили, чем немного скрасили наиотвратнейшим образом сложившийся прошедший день.

Весь оставшийся день он дико проскучал, сидя в своей новой комнате, совершенно не находя возможности хоть чем-то себя занять. Юлиан бы с радостью сходил прогуляться в город, но вряд ли миссис Скуэйн одобрила бы подобное решение.

Сама она вернулась только поздней ночью, когда часы перевалили за двенадцать. Всё это время Юлиан ждал Ривальду – прежде всего желая узнать, что же она сделает с ним за выполненные не самым лучшим образом поручения.

Но она вернулась совершенно поникшей и апатичной – Юлиан ничем её не интересовал.

– Виночерпий! – прокричала она, едва завидев спускающегося с лестницы Юлиана. – Вытащи мне вина из шкафа.

Юлиан открыл первый попавшийся шкаф, и, оценив весь находящийся там арсенал напитков, спросил:

– Какого именно?

– Шотландского. Любого. И стакан дай. Сам иди спать.

Пожалуй, это было лучшим из того, что сегодня услышал от Ривальды Скуэйн Юлиан Мерлин.

Сон всяко лучше её общества.

4. Лазутчик

«Всякий раз, когда любопытство и здравый смысл боролись во мне, побеждало первое. Теперь-то я точно знаю, что именно оно являлось причиной всех моих бед и злоключений.»

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Постепенно Юлиан Мерлин начинал привыкать к жизни в новом доме. Всё ещё считая это место своего рода тюрьмой, он выискивал и плюсы существования здесь. Первым делом – это отсутствие назойливых нравоучений, которыми богато закидывал Юлиана его дед.

В доме Ривальды Скуэйн Юлиан большую часть времени был предоставлен сам себе. Он получал объём работы, причем обычно не такой уж и большой, после чего в течение дня потихоньку выполнял его. Никто не стоял над душой, никто не мешал, а, самое главное, не лишал Юлиана целого полигона действий для воплощения своих фантазий.

К следующей неделе Юлиан смог привыкнуть даже к дракончику Драго, с которым их первое свидание, мягко говоря, как-то не задалось. Всё ещё недолюбливая и немного побаиваясь это чудовище, юноша смог завоевать его любовь и уважение. Во всяком случае, своим вездесущим огнём он на Юлиана более не покушался.

Глобальным минусом новой жизни, помимо редких издевательств Ривальды Скуэйн, для Юлиана являлась скука. Он яростно ненавидел скуку всю свою жизнь, но именно здесь оставался с ней наедине как никогда часто. Дворецкий Джо время от времени развеивал её, когда их пути каким-то образом пересекались. Как правило, это были рассказы о бурной молодости Джо, а ещё секреты его профессии, которые, справедливости ради, не интересовали Юлиана никаким боком. Однако в качестве лекарства от скуки они были более или менее годными.

Помимо Юлиана и Джо в доме было ещё несколько слуг. Несколько молоденьких и весьма приятных внешне горничных очень часто мелькали перед глазами Юлиана, однако до сих пор ни разу ни Юлиан, ни они не осмеливались начать разговор. Оттого всё это время они казались юноше безмолвными тенями.

Садовник и повар не жили в этом доме, однако каждый день в девять часов приходили сюда и задерживались до самого вечера. Наличие повара очень смущало Юлиана – ведь завтрак готовил Ривальде не повар, а неопытный Юлиан. Он даже однажды осмелился поинтересоваться у Ривальды, откуда взялась такая нелогичность, на что последовал малоубедительный ответ, что рабочий день повара начинается в девять, а завтракать ей требуется уже в семь.

Юлиан даже приноровился готовить эту злополучную глазунью с беконом, а так же варить кофе. С каждым разом Ривальда всё меньше и меньше морщила нос от этой еды, отчего Юлиан и сделал вывод о своём великом прогрессе.

После завтрака миссис Скуэйн вызывала такси и до самой темноты отправлялась на работу. А работала она, как вскоре узнал от Джо Юлиан, в каком-то департаменте расследования серьёзных преступлений, тесно связанном с полицией, но не являющимся даже её подразделением.

Приходила она очень загруженной, молчаливой и усталой. Сразу же усевшись за стол, она вызывала Юлиана и приказывала наливать ему вина, а повара – кормить её. Причем, как правило, не съедала она и трети того, что ей подносили, так как больше её привлекало вино. Она никогда не позволяла Юлиану пить вина, но он всегда ел то же самое, что и она.

И не удивительно – так много ростбифов, бифштексов, пудинга, запеканки и других всевозможных вкусностей он не ел никогда. И это не значило того, что семья Юлиана бедна, скорее это означало то, насколько богата Ривальда Скуэйн. Неужто в департаменте расследований так много платят? Или наследство?

Но большой двухэтажный особняк, уставленный многими произведениями искусства, куча слуг, роскошные обеды и навряд ли дешевое вино говорили о многом, если не обо всём.

Юлиан вообще очень редко общался с Скуэйн, потому что днём она пропадала в своём департаменте, а вечером предпочитала наслаждаться одиночеством, размышляя о чём-то своём, наверняка связанном с работой.

Однако, в этот раз она попросила Юлиана остаться.

– Как тебе твоя новая жизнь, Юлиан? – сразу же спросила она.

– Я не могу сказать ничего плохого, миссис Скуэйн, – сказал Юлиан, при этом неловко отведя глаза и прикусив нижнюю губу.

– Я рада. Налей мне ещё вина.

Юлиан быстро кивнул и налил её полный стакан. Бутылка ещё только начиналась, а это значило, что просидит Скуэйн здесь ещё не один час.

Заподозрила ли она его ложь?

– Ненавидишь меня? – спросила она, чем ввела Юлиана в ступор.

– Почему я должен вас ненавидеть?

Она пару секунд наигранно посмеялась, после чего, отпив небольшой глоток вина, ответила ему:

– Как меня можно не ненавидеть? Я же ужасный человек. Я захватила тебя в плен. Ты должен замысливать план моего убийства.

– Боюсь, что это не так.

– Очень жаль. Наверное, ты недостаточно смел для этого.

Она секунду промолчала, о чём-то подумав, после чего снова вернулась к разговору:

– Скажи мне кое-что, Юлиан. Скажи мне – кто ты?

– Я немного могу вам сказать. Меня зовут Юлиан Андерс Мерлин, я родом из Грунн-дебайтена.

На этом познания Юлиана были закончены.

– Твой мир действительно так скуден или ты притворяешься? Всё это я знала и раньше, даже, кажется, помню имя твоего деда. Но досье на тебя я могу найти за пару секунд, и, будь мне интересно, уже нашла бы.

– Тогда что вы хотите услышать?

– Хочу знать, какой ты. Что ты любишь, что ненавидишь, о чём мечтаешь, чем увлекаешься. Я могла бы перечислять вопросы бесконечно, но хочу я слышать тебя, а не себя.

– Я люблю... Ну свой город я люблю. Люблю кино...

– Глупо, – перебила она его. – Ты глупый, замкнутый и у тебя парализован язык. Любишь ли ты, например, вино? – она подняла свой уже наполовину пустой бокал.

Юлиан был готов опрокинуть на эту женщину свой стол. Но внутренний его демон ещё сдерживал его, и жесткий прагматизм побеждал.

– Нет, не люблю, миссис Скуэйн. Я ещё слишком мал для этого.

– А я люблю, – усмехнувшись, она допила содержимое бокала до дна и жестом приказала Юлиану наполнить его заново. – И отлично знаю, что ты не из тех, кого остановили бы рамки возраста и законы морали. Так ведь?

– Так, – сказал Юлиан. – И я бы осушил бы эту бутылку до конца, но...

Он едва не выпалил что-то ужасное, но внутренний демон снова вовремя остановился.

– Но? – спросила Скуэйн. – Что но? Но только не в моём обществе?

– Живот болит.

– Живот... А ведь, быть может, я не просто так забрала тебя к себе. Может, я увидела в тебе человека, который сможет стать моим достойным другом, разделить мои увлечения. Почему бы нет? Зачем разочаровываешь меня, Юлиан?

– Потому что я не тот. Мне трудно быть достойным другом, трудно разделять с кем-то увлечения. И я терпеть не могу преступления. И шотландское вино. И домработник из меня никакой!

Демон открыл глазки, но ещё не поднял лапы, прежде чем Юлиан остановился. Он выпалил что-то ужасное? Скуэйн уже тянется за ножом? Можно прощаться с жизнью?

Или, напротив, попрощаться с работой и тем самым покончить с этим кошмаром?

– Отлично, – улыбнулась Ривальда. – Хоть что-то я про тебя узнала. Сам того не заметив, ты мне многое рассказал. Только я хочу, чтобы ты говорил это не в ответ на обиды, а в качестве теплой беседы.

– Я могу пойти в свою комнату?

– Можешь. Но ты хочешь оставить меня здесь одну?

– Я думал, что вы любите быть одна.

– Не люблю. У меня просто никого нет. Совсем. Одиночество – это не мой выбор. Одиночество – это мой единственный выход.

К сожалению, этого Юлиану было понять не дано. Одиночество для него являлось практически синонимом скуки. А скука, как было замечено немного раньше, была его злейшим врагом.

И бутылка вина никогда не была компаньоном.

– Мне проспать рано, – попытался оправдаться Юлиан.

– Мне тоже. Но я ещё и вино пью. Посиди ещё немного, и я тебя отпущу. Кто-то же должен мне наливать вино.

Юлиан понял этот намек и наполнил её следующий бокал.

– Простите за невнимательность, – невнятно пробормотал Юлиан.

– Не прощаю. Ты за это будешь когда-то наказан. А, если честно, за эту неделю ты меня убедил в своей профпригодности. Поэтому ты уже готов к выполнению нового задания, которое немного важнее всех твоих предыдущих.

– Важнее, чем наливать вино?

– Не пытайся шутить. У меня есть несколько очень важных и интересных писем, с которых нужно снять копии.

– Снять копии? Это же дело секунды?

– Но только не этих писем. Они заколдованы, их можно только переписать. Рукой и чернилами.

– Вы же знаете, что у меня отвратительный почерк, – начал оправдываться Юлиан.

Ему казалось, что он всегда неправильно держал ручку, отчего рука уставала довольно быстро. По этой причине он очень не любил писать. Даже в школе он по возможности сидел вне поля зрения учителя, чтобы валять дурака вместо записи лекций.

– Дам такое перо, которым можно писать только красиво.

– Перо? Может быть, ручку?

– Такой ручки у меня нет. Учись пером.

Юлиан молча кивнул. Оставалось надеяться, что писем там не так много.

– Будем надеяться, что мы с тобой договорились. Хотя, справедливости ради, выбора я и не давала.

Юлиан промолчал и сделал вид, что привстает со стула.

– Значит, всё же решил меня оставить?

– Я хочу лучше подготовиться к завтрашней работе. Как следует выспаться.

– А вот я ко своей, скорее всего, даже близко выспаться не сумею.

Сон за это время стал едва ли не лучшим другом Юлиана и самым практичным средством от скуки. Ему, как правило, удавалось выспаться к семи утра, потому что от всё той же скуки ему приходилось ложиться сразу же после того, как его обязанности прислужника заканчивались. А это случалось не позднее десяти часов вечера.

Однако последующие два-три часа в кровати на душе Юлиана скребли кошки. Ему казалось, что он вёл себя в этом откровенном разговоре с Ривальдой не так, как должен был. Он

должен был найти способ изменить хоть что-то посредством этого диалога. Но в итоге показал себя только полнейшим идиотом и, скорее всего, только усугубил ситуацию.

А утром, после завтрака Ривальды Скуэйн, Юлиан узнал, что в этом доме есть ещё и библиотека. Причём столь обширного размера и богатого содержимого, что в голову приходили мысли о том, смогла ли миссис Скуэйн всё это прочитать. И вообще, возможно ли осилить всё это за всю жизнь?

Для любителя книг уровня Юлиана, однозначно нет.

– Итак, – сказала Ривальда Скуэйн, захлопнув изнутри дверь в библиотеку. – Я опаздываю на работу, но, думаю, они смогут это пережить. Вряд ли такому, как ты, будет интересно читать, но, если угодно, на сегодня это твоё рабочее место.

Юлиан уселся за единственный стул, который увидел в этом немалого размера помещении. На столе у этого стула уже стояли перо с чернильницей, а так же лежали кипа желтой бумаги и несколько потрепанных старых книг.

– Молодец, Юлиан, – усмехнулась Ривальда. – Работа библиотекаря создана для тебя. Попробую устроить в департамент. Шучу. Ещё не удостоверилась, что ты умеешь читать.

Юлиан с легко читаемой улыбкой снова заметил желание своего внутреннего демона запулить в Ривальду стол и покончить с этим позором раз и навсегда. Но тогда на Юлиана обрушатся сами небеса.

Удостоверившись, что юноша готов, Ривальда вытащила откуда-то связку распечатанных конвертов с письмами и протянула Юлиану. Не так уж их тут и много – не больше пятнадцати штук.

Это позволило Юлиану вздохнуть полной грудью. Рутинной и нудной работы на несколько дней тут не будет.

– Это только на сегодня? – спросил он, взяв в руки связку и оценив её вес.

– Это пока всё. Сегодня перепиши, сколько сможешь.

Не получив убедительного ответа, Юлиан всё же кивнул и принялся обустраивать своё рабочее место. Начал он, конечно же, с перестановки чернильницы на противоположную сторону стола.

– Удачного дня, – улыбнулась Скуэйн и молча удалилась.

Итак. Книги, Юлиан, чернила и письма. Вроде всё. Они наедине.

Я знаю, что Вы не ожидали получить от меня письма после того дня, но устоять не смог. Прошу прощения за эту дерзость, даже наглость. Но наша с Вами случайная встреча всё никак не может вылететь из моей головы.

Быть может, Вы уже забыли меня, как забыли и тот вечер. Но я хочу напомнить Вам – бал в Местобольском Дворце по поводу окончания Часа Гроз. Очень надеюсь, что помните. Помните тот танец? Мне показалось, что по его окончании Вы чего-то напугались. Иначе не покинули бы так поспешно моё общество.

Госпожа, меня бояться не следует. Напротив, это я боялся Вашего общества, ибо стеснялся Ваших обаятельности и красоты. Но больше всего на свете мне не терпится увидеть Вас снова. Хотя бы краем глаза.

Скорее всего, я получу вежливый отказ. А, может быть, Вы и вовсе проигнорируете меня. Но, если хотя бы в самом глубоком уголке Вашего сердца нашлось место мне, прошу – откликнитесь на мою просьбу встретиться ещё раз.

Уверяю, Вам не будет плохо. А если и будет, то в любом случае Вы сможете покинуть меня и больше не возвращаться. Я восприму это как должное.

Если вы согласны на встречу – напишите по этому адресу и назначьте место и время. Мне всегда и везде будет удобно.

*Ваш покорный слуга,
господин Р.»*

Юлиан недовольно положил перо на стол. Долго же он ничего не писал, иначе почему так сильно устала его рука? Может быть, при написании следующего письма использовать другую руку? Всё-таки, если перо заколдовано всегда писать красиво, значит, неважно, какой рукой это делать?

Отличный вариант, только нужно немного отдохнуть. С легкой долей удивления Юлиан заметил, что прошёл аж целый час с того момента, как он взял перо в руку.

Быстро же время пролетело, хотя занятие отнюдь не было привлекательным!

Юлиан привстал из-за стула, но в этот момент его взор заполнили черные круги, в глазах помутнело, а голова стала тяжелой, будто он начинал терять сознание.

Что это за колдовство?

В попытке удержаться на ногах Юлиан облокотился о первую попавшуюся книжную полку. Однако книга, на которую он нажал, углубилась внутрь вместе с его рукой, а внутри сработал какой-то механизм.

Прямо на его глазах стеллаж начал подниматься всё выше и выше, открывая проход в холодное и тёмное помещение. Стены его были каменными, а вглубь уходила лестница, и при такой темноте Юлиан не видел, где был её конец.

Когда головокружение немного прошло, Юлиан понял, что наилучшим вариантом сейчас было бы найти механизм, закрывающий этот проход обратно. И забыть этот момент, словно его и не было совсем.

Но внутренний демон Юлиана не давал ему покоя. Он буквально разрывал Юлиана изнутри истошным криком «Спустишься туда! Будет интересно!».

А ведь и действительно будет интересно. Хоть и очень опасно.

Собравшись с мыслями, Юлиан всё же проиграл битву своему внутреннему демону и отправился внутрь.

Лестница сразу же налилась искусственным светом, и наконец-то стало всё видно. Это было небольшое шестиугольное помещение, но...

На полу из горящих камней была выложена оккультическая семиугольная звезда, скрепленная ещё какими-то яркими нитями и наполненная то ли дымом, то ли паром. Юлиан плохо разбирался в тёмном волшебстве, но всегда представлял себе, что с помощью таких кругов вызывают тёмных духов и направляют на какие-то тёмные дела, или меняют свою душу в обмен на сокровенные желания.

А на стене висел человеческий скелет, который привёл Юлиана в ещё большой ужас. Бутафорский или настоящий? Как же Юлиан надеялся, что его опасения не сбудутся!

Любопытство же победило страх и заставило Юлиана приблизиться к скелету, чтобы проверить его подлинность. Передние руки были почему-то связаны, и Юлиану стало очень интересно, почему же.

Он легонько дернул за ниточку, но, его огромному несчастью, весь узел мгновенно развязался, после чего скелет начал вибрировать и оттуда появился полупрозрачный то ли призрак, то ли демон, то ли чего ещё хуже.

– Спасибо, что освободил меня, Юлиан Мерлин! – послышался сухой скрипучий голос со всех сторон, после чего дух со скоростью звука улетел куда-то в стену и исчез.

Это уже пахло настоящим кошмаром. Что он скажет Ривальде Скуэйн?

Да что вообще скрывает в себе Ривальда Скуэйн? Незарегистрированный дракон, оккультический круг, человеческий скелет, спрятанный внутри него демон! Да этого хватит, чтобы на всю жизнь загромоздить в подземную тюрьму где-нибудь на северных островах!

Как только Юлиан покинул этот ужасный тайник, он закрылся. Сейчас всё выглядело так, словно проход никогда и не открывался, но, ясное дело, Ривальда Скуэйн заметит всё.

Сейчас у Юлиана была два варианта – бежать отсюда или же покорно ждать судьбы, с невинным видом переписывая письма дальше.

Был ещё и третий вариант – разобраться во всём. Узнать, зачем Ривальде всё это, что она скрывает в себе. А ещё узнать, для чего ей понадобился Юлиан в качестве домработника.

У него ещё было время подумать о своих дальнейших действиях по крайней мере до вечера. Но вечер наступил, а в голову так ничего и не пришло.

Дошло до того, что миссис Скуэйн вернулась с работы, а Юлиан всё так был растерян и переполнен неуверенностью.

– Сколько смог переписать писем? – спросила она, едва увидев его.

– Простите, но всего одно, – ответил Юлиан, усиленно пряча взгляд, будто ожидая, что во взгляде она прочтает всю правду о сегодняшнем дне.

– Одно... Я думала, что осилишь два. Не удивляйся – кто-то заколдовал их. Я вообще удивлена, что ты увидел их содержимое. Я думала, что письма прочитать могут только отправитель и получатель. Значит, ошиблась. Но ничего страшного – просто переоценила это колдовство.

Да уж. Переоценила. Юлиан после одного письма чуть не упал в обморок. Чего она ожидала? Что он совсем упадёт в кому?

После ужина и обоюдного молчания Юлиан отправился в свою комнату готовиться ко сну. Только вот сон всё никак не приходил, потому что его перебивали мысли о сегодняшнем неприятном случае.

Он должен узнать что-то про Ривальду. То, что сможет обезопасить его. Отправиться в полицию и рассказать о том, что он сегодня видел, Юлиан не мог, потому что Скуэйн всё равно перехитрит его. И демона там больше нет – он сбежал, а значит, доказательств и нет.

Дракон вполне может оказаться зарегистрирован, тогда Юлиан будет выглядеть совсем глупо, к тому же положение его усугубится ещё глубже.

Он должен узнать ещё больше. Найти на Ривальду столько компромата, что ей уже не останется ничего, кроме как позволить Юлиану освободиться. Он очень сильно сомневался, что весь день она работает в полицейском департаменте и помогает бороться за справедливость. Что-то Ривальда скрывает и там.

Надо проследить за ней.

И внезапно Юлиана осенило. Ведь он располагал несколькими листами красного призрака, который позволял становиться невидимым. Это ли не выход? Если грамотно распорядиться тем, что он имеет и не попасться на какой-нибудь глупости, он сможет следовать за миссис Скуэйн весь день и узнать все её тайны!

В глубине души Юлиану не доставало смелости, и он втайне надеялся, что не придётся идти на такие отважные и безумные поступки. Что есть шанс, что он будет смиренно ждать и в конечном итоге всё как-то уладится само.

Но даже недолгий жизненный опыт подсказывал, что всё нужно брать в свои руки. Даже то, что, казалось бы, является абсолютно безнадёжным.

Как и полагается перед такими важными миссиями, Юлиан спал этой ночью донельзя плохо. И просыпался ранним утром с невиданной доселе неохотой. Он так хотел спрятаться под это одеяло, чтобы никто никогда не нашёл, но... К хорошему это бы не привело.

Глазунья, кофе, испепеляющий взгляд Ривальды. Интересно, она уже о чём-то догадалась? Уж слишком подозрительный у неё был взгляд.

– Опять забыла вызвать такси перед завтраком, – проворчала она, допивая кофе. – Снова опоздаю.

– Я могу вызвать, – откликнулся Юлиан.

– Нет, это в твои обязанности не входит. Иди лучше в библиотеку.

– Хорошо, – с блеском в глазах сказал Юлиан и мгновенно исчез с её глаз.

Для того, чтобы за ближайшим углом съесть противный на вкус лист красного призрака. Не самый приятный завтрак, но между тем очень полезный.

В этот момент мимо прошёлся уже полностью одетый в наряд дворецкого Джо, однако абсолютно никакого внимания на Юлиана он не обратил.

Сработало? Можно к делу.

Ривальда несколько минут молча стояла у ворот своего дома, прежде чем подъехал таксист. Машина очень напоминала ту, на которой Юлиан в первый раз приехал сюда. Может быть, это она и была? Или в Свайзлаутерне они все одинаковые, словно на подбор?

В Грунндебайтене Юлиан никогда не пользовался услугами такси, потому что это было не очень выгодно, а к тому же не имело и большого смысла. Гораздо уместнее до школы было добираться на школьном троллейбусе. А то и вовсе пешком. Не такой уж его родной город и большой.

Самым сложным для Юлиана было забраться на заднее сиденье такси так, чтобы ни Ривальда, ни таксист этого не заметили. Но каким-то образом Юлиану это удалось. То ли красный призрак сделал его таким незаметным, то ли сыграло свою роль элементарная невнимательность Ривальды. Всё-таки спала она не более четырёх часов, и так последние несколько суток. У любого человека голова набекрень пойдёт. Даже у Скуэйн, которую человеком было назвать с большой натяжкой.

– Можно побыстрее, я опаздываю! – проворчала Скуэйн, посмотрев время на своих наручных часах.

– Я не нарушаю правил, – равнодушно ответил таксист.

Ривальда недовольно вздохнула, но ничего не ответила.

Минут через пятнадцать они добрались до Департамента, где Юлиана ждала небольшая неприятность.

Ривальда выскочила из машины мгновенно, да ещё при этом и демонстративно хлопнув дверью. Юлиан остался внутри такси, которое вот-вот должно было тронуться дальше. В этот момент он сильно сожалел, что не смог найти ещё какого-нибудь зелья или травы для того, чтобы проходить и сквозь стены.

Скуэйн уходила всё дальше и дальше, а таксист уже начал заводиться, когда вдруг вспомнил о чём-то важном.

– Простите, миссис! – выскочил он. – Вы не взяли сдачи!

Однако Скуэйн его проигнорировала. Юлиан выскочил из машины в мгновение ока, как только заметил, что таксист обернулся в другую сторону. Наверняка бедняга остался в недоумении, почудился ли ему хлопок задней двери или случился действительно.

Только Юлиана уже и след простыл. Он всё же успел не потерять из виду Скуэйн и галопом кинулся за ней.

Она действительно шла в сторону Департамента – большого, похожего на бывший замок каменного здания, на входе которого так и было написано «Департамент Расследования Особо Важных Преступлений».

Никакого пропускного режима тут и в помине не было, что удивляло не мало, ибо места такого типа должны быть в меру засекречены. По крайней мере, это предотвратило бы угрозу терроризма в этом здании.

Или же тут есть какой-то невидимый щит, который пускает только своих. И он, само собой не заметил Юлиана, который под действием заклятия незаметности.

Департамент был очень многолюдным местом, и с Ривальдой здесь здоровался абсолютно каждый. Откуда такая честь? Надо сказать, что отвечала тем же самым миссис Скуэйн в лучшем случае каждому второму, а то и ещё реже.

Она спустилась по лестнице на два этажа ниже, наверняка в подземные уровни, где уже никого не было. Щёлкнула два раза пальцами по каменной стене, после чего на ней появилась ярко сияющая дверь. Скуэйн пару раз оглянулась, вероятно для того, чтобы убедиться, что на неё никто не смотрит, и открыла дверь.

За дверью находилось что-то вроде учебного класса, только совсем без учеников. Что это за место? Здесь она проводит свои тайные опыты?

Скуэйн решительно шагнула туда, после чего исчезла. Юлиану нужно было торопиться, пока не исчезла дверь, поэтому он повторил то же самое.

Однако твёрдой почвы под ногами он не обнаружил и с криком, который никто не слышал, полетел вниз. Он пролетал через десятки таких же учебных классов, после чего уже начались облака. Какие-то ненастоящие, будто бы нарисованные. Но полёт нарисованным не казался.

Однако приземление было безболезненным, после чего Юлиан услышал откуда-то знакомый голос:

– Опаздываете, миссис Скуэйн.

*«Госпоже М.
От господина Р.
март 1993 г.*

5. Присяжный

«Как же сложно описать чувство, когда уже готовишься к смерти, но выходит всё таким образом, что начинаешь радоваться жизни всё больше и больше. И всё больше осознавать, насколько же она прекрасна.»

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

– Опаздываете, миссис Скуэйн, – сказал Люций Карниган таким тоном, словно только что его отвлекли от очень важного дела.

Последний, двенадцатый член Совета Присяжных наконец-то появился, однако начать они успели и без Ривальды Скуэйн.

– Нерадивый таксист, – проворчала она и уселась за своё законное место.

Судя по ощущениям, это место находилось на самом верхнем этаже Департамента, ибо прямо из сплошного, на всю стену окна, был виден пейзаж Свайзлаутерна, словно с высоты птичьего полёта. Можно было спокойно лицезреть Парламент, а чуть к северу располагалась Академия Принца Болеслава, откуда выделялась высоченная башня Харрайд. На западе были видны очертания другого учебного заведения, конкурирующего с вышеназванным и носящим звание государственного – Высшего Университета Свайзлаутерна.

– А мы собирались начать без вас, – съязвила Ровена Спаркс, женщина небольшого роста, уже входящая стадию в пожилого возраста, и носящая всегда один и тот же неприметный серый костюм.

– Надеюсь, ничего интересного я не пропустила, – ответила Ривальда, поправляя причёску.

– Тогда я начну с формальностей, – привстал со своего места Люций Карниган. – Сегодня состоится второе заседание закрытого суда над Агнусом Иллицием, подозреваемым в измене государству и совершении нескольких убийств. Присяжные, вы готовы?

– Готовы, – синхронно ответили все и возложили руки на сердца.

Этот ритуал был необходим, так как он исполнял роль своеобразной клятвы о честном и беспристрастном судействе.

– Напоминаю, что второе заседание по традиции происходит с опроса подозреваемого, – сказал Карниган и взмахнул правой рукой.

После этого плиты посреди зала начали расходиться, образовав восьмиугольный люк, откуда медленно начала подниматься узкая стальная клетка с преступником внутри.

– Как же он мерзок, – проворчал Грао Дюкс, едва увидев очертания тела Агнуса Иллиция.

Несмотря на то, что в тюрьме Иллицию выдали чистую форму заключенного и насильно помыли, выглядел он всё так же грязно, как и в момент своего первого появления в Свайзлаутерне.

– Подсудимый Агнус Иллиций, клянётесь ли вы говорить правду и только правду на этом суде? – спросила Ровена Спаркс.

– Мне плевать, – холодно ответил тот. – В этом мире нет правды.

– Есть правда, – перебил его Грао Дюкс. – Она заключается в том, что ты, грязный выродок, предал Алую Завесу и едва не подставил под удар весь наш город!

– Герр Дюкс, – остерег его Карниган. – Не стоит выводить его из себя. Агнус Иллиций, как вы можете прокомментировать подозрения в измене государству?

– Измена измене рознь, – с улыбкой произнёс преступник. – Расскажите поподробнее, что я сделал.

– А то ты не знаешь, грязный подлец! – снова вспыхнул Грао Дюкс, но Карниган опять его поостерег:

– По правилам мы должны зачитать все обвинения. Агнус Иллиций, будучи тайным агентом Алой Завесы, в 1996 году совершил предательство, убив своего боевого напарника и выдав тайны Департамента и Сената террористам и лично Молтемберу. Отрицаете ли вы это?

– Отрицаю, – с той же улыбкой ответил Иллиций. – Я был верен Алой Завесе и государству.

– Тогда как вы прокомментируете гибель Уильяма Монроука?

– Несчастный случай. Мы попали в засаду повстанцев, в результате чего Уильям погиб, а я чудом выжил, но потерял секретные сведения.

– Нет, – сказала Ровена Спаркс. – Я не верю, что Молтембер кого-то отпустил бы живым.

– Я сбежал. Никто меня не отпускал.

Ривальда Скуэйн всё ещё молчала. Это могло вызывать подозрения, но те, кто хорошо её знал, понимали, что она усердно думает и анализирует происходящее, чтобы в один момент поймать Иллиция на слове и раскусить его.

– На этот счёт у нас есть другие сведения, – сказал Стюарт Тёрнер, самый молодой из числа присяжных, приятно одетый и выглядевший, однако уже в своём возрасте носивший очки. – Они касаются способа вашего общения с Молтембером. Невидимые письма. Уильям Монроук научился их читать и узнал всю историю вашего служения Молтемберу.

– Ты сливал ему всю информацию Департамента, из-за чего мы чуть было не проиграли войну, – выпалил Грао Дюкс. – Монроук был героем, ведь если бы он не раскусил вашего предательства, мы могли бы проиграть и кануть во тьму. Ты же знаешь, чёртово отродье, что могло бы случиться?

– Откуда мне знать планы Молтембера?

– Монроук научился читать невидимые письма, – продолжил Тёрнер. – Узнал о вашем предательстве. После чего собирался донести эти сведения до Департамента, но не успел. Каким-то образом ты узнал об этом, и, заманив в ловушку, убил Уильяма.

– Да, Уильям был героем, – сказал Грао Дюкс. – И отдал свою жизнь для нашей победы. Его имя останется в наших сердцах, а не твоё.

– Мне плевать. Я не собираюсь сознаваться ни в каких обвинениях.

Однако в глазах Иллиция читалось, что ему всё равно, на что его приговорят, будто бы ощущал свою безопасность и неприкосновенность. Или замышлял какой-то план.

– Ты не понял нас, Иллиций, – отрезал Карниган. – Нам никакие признания не нужны. Как уже сказал мой достопочтимый коллега мистер Стюарт Тёрнер – вся вина доказана. Нам же остаётся только выбрать – эшафот или пожизненное заключение. Что бы выбрал ты сам?

– Плюнуть тебе в морду. Может быть, даже каждому сидящему здесь. Я не верю в правосудие.

– Неубедительный ответ, – сказала Ровена Спаркс. – Или ты предоставляешь доверять свою судьбу нам?

– А у меня есть выбор?

– Нет.

– Подожди, Ровена, – перебил её Люций Карниган. – По правилам приговор выносится на третьем заседании, а это только второе. К тому же, оно только началось. Нам ещё рано заикаться о приговоре.

– Рано? Все же здесь понимают, что эти три заседания – пустая формальность! Каждое заседание отдельно тоже формальность. Вина Иллиция доказана очень давно, никому и не придёт в голову оспорить её. Не права ли я, что все сидящие здесь готовы отправить подлеца на эшафот?

В зале мгновенно поднялась тишина, изредка нарушаемая поскрипыванием зубов Агнуса Иллиция. Однако уже через полминуты послышался робкий голос Грао Дюкса:

– Ну, в целом... Конечно эшафот.

– Да, я думаю так же, – уже более уверенным тоном подтвердил Тёрнер.

– Более чем, – дополнила Елена Аткинсон, после чего в зале уже начал подниматься шорох, постепенно переходящий в шум.

И все эти голоса твердили в унисон, что подлеца нужно казнить.

– Не нужно, – неожиданно выпалила Ривальда Скуэйн, доселе уныло молчавшая.

– Не нужно? – переспросила Ровена Спаркс, всё ещё надеясь, что Скуэйн оговорилась. – Ты в своём уме, Ривальда?

– В своём. И думаю прагматично, а не со стороны эмоций, как вы. Все мы пострадали на той войне, и не в последнюю очередь благодаря ему, но друзья... Внемлите разуму. Этот человек просто ценный клондайк с сокровищами в виде важной информации.

– Информации? – спросил Карниган. – Какой ещё информации, Ривальда?

– Мы так мало знаем. Так мало знали. Из Иллиция можно выбить кучу информации касательно планов повстанцев.

– Повстанцев? – недовольно проговорил Карниган. – Их восстание было повержено четырнадцать лет назад. Тогда же погиб и Молтембер. Какое нам дело до них?

– Значит, Иллиций вернулся просто так? Люций, такие, как он просто так не возвращаются. Он что-то знает и что-то замышляет.

– Плевать, – выпалила Спаркс. – Если придётся, узнаем как-нибудь и без него. Появится новый Уильям Монроук. Они появляются всегда.

– Не забывай, что решение должно быть единогласным, – сказала Скуэйн. – А я не отдам свой голос в пользу эшафота, пока мы не выьем из него всё.

– Прошу, оставьте свои соображения до следующей недели, – перебил всех Люций Карниган. – Даже при великом желании мы не сможем вынести приговор сегодня. Ривальда, в твоих словах есть правда, и, я уверен, что каждый обдумает твоё предложение. Благо, на это у каждого есть ещё целая неделя. Пока я и сам за эшафот, но всё может... Подождите. Это ещё кто?

Одиннадцать остальных присяжных мгновенно повернули головы в ту сторону, куда смотрели глаза Люция Карнигана и пришли в смятение.

Как ни в чем не бывало в сторонке от стола присяжных стоял совсем ещё юный паренёк лет семнадцати в потертых кедах и джинсах, с висящим неуклюжим пиджачком на теле. Он, похоже, ещё не понял, что на него смотрят, поэтому с нетерпением ждал продолжения увлекательнейшего суда.

– Этот тот мальчишка из тюрьмы! – выпалил Агнус Иллиций, словно это известие его обрадовало больше всего на свете.

– Какой ещё мальчишка? – недовольно выпалила Ровена Спаркс, готовая уже сейчас выкинуть нерадивого искателя приключений прямо из окна.

– Ривальда, ты не постарайся объяснить, как он тут оказался? – спросил Карниган.

– Клянусь, Люций, я понятия не имею.

Он недовольно вскочил из-за стола, глядя бегающими глазами попеременно то на мальчишку, то на Ривальду.

– Мальчик, ты чей-то шпион? – спросила Ровена. – Скажи лучше сейчас, иначе окажешься на месте Агнуса Иллиция.

– Постой, – перебила её Ривальда. – Никакой это не шпион, а любопытный дурень, которого я устроила к себе на работу слугой.

– Что? Он работает на тебя? – удивилась Ровена.

– Что здесь постыдного? Мне стало жаль мальчишку, который загремел по глупости, и я временно взяла его под опеку. Свою глупость он демонстрирует и сейчас. Так ведь, Юлиан?

Но Юлиан стоял и молчал. Он был ошарашен не меньше остальных.

– Насчёт глупости согласен, Ривальда, – тихим голосом сказал Карниган. – Но ты же понимаешь, что он услышал слишком много. Молтембер, Алая Завеса, Монроук. Понимаешь, что никто, кроме нас, этого не должен знать.

– Просите, – выпалил ставший невероятно бледным Юлиан. – Я обещаю, что никому ничего не расскажу.

– Этого мало, мальчик, – сказал Тёрнер. – На честное слово здесь полагаться нельзя.

– Не трогайте его! – перебила одновременно всех Ривальда. – Я несу за него ответственность и буду нести дальше. В конце концов, это моя вина, что я не смогла уследить за ним.

– Решение должно быть единогласным, – словно в отместку сказала Спаркс. – Сама же так говорила, Ривальда. Никто не согласится положиться на никому неизвестного мальчишку. Даже если ты готова отвечать.

– Вы предлагаете убить его? Семнадцатилетнего парня!

– Вот оно, правосудие! – закричал из своей клетки Агнус Иллиций. – А я ведь говорил, что никакого правосудия в этом месте нет!

– Уберите уже его, – приказал Карниган и щелкнул пальцами, после чего клетка под вопли Иллиция стала опускаться вниз. – Нам остаётся только одно. Придётся ему тоже стереть память.

– Я знаю этого мальчика, – сказал Грао Дюкс. – И он мне как-то говорил, что он внук сеньора Джампаоло Раньери. Мы не должны вредить внуку столь уважаемого и хорошего человека!

– Герр Дюкс, на кону сейчас не уважение, а государственная тайна, – с неохотой сказал Карниган. – Чем ему навредит единичное удаление памяти?

– Ты же знаешь, Люций, – попыталась отговорить Карнигана Ривальда. – Ты же знаешь, как негативно это может повлиять на юношу. Многие сходят с ума после такой операции.

– Прости. Другого выхода нет. И голосование тут неуместно. Я думаю, что никто не будет против, если заседание объявится закрытым.

– Уже всё равно, – сказала Ривальда. – Делайте всё, что посчитаете нужным.

Она обратила грустный взгляд в сторону Юлиана, в котором читалась незамысловатая фраза «Прости, я сделала всё, что могла». Но Юлиан был уверен, что не всё.

– Стюарт, доставь его в Комнату Забвенья, – сказал Карниган. – Ривальда, я думаю, что тебе лучше отправиться с нами. Кто-то должен привести мальчика в чувство.

– Что? – начал негодовать Юлиан. – Я не хочу, чтобы мне стирали память!

– Тебе сотрут только сегодняшний день, – не глядя на юношу, ответила Ривальда.

– Ага, после чего я тронусь умом.

– Не факт. И ты сам во всём виноват. Сегодня же отправлю тебя обратно в Грунндебайтен.

В стене открылся проход с ведущей вниз лестницей, а уже через несколько минут Юлиан, Ривальда, Карниган и Тёрнер оказались в маленьком и душном помещении. Посередине комнаты стоял огромный сосуд с какой-то жидкостью, а на стенах висело с десятков ослепительных белых фонарей, каждый из которых горел яркостью света солнца в зените, не меньше.

Юлиан невольно поморщился.

– Окупись всей головой в сосуд, – приказал Карниган.

– Чего? Я не хочу туда!

– Тогда придётся сделать это силой!

Переглянувшись с Тёрнером, они одновременно схватили Юлиана за голову и опустили в чан с водой.

Не сказать, что ощущение было самым приятным, ибо уже через минуту Юлиан начал задыхаться и биться в яростных конвульсиях.

Поняв, что нужен перерыв, Карниган вытащил обратно. Юлиан жадно вдохнул воздуха, но Люцию показалось, что этого мало, и он снова запихал голову Юлиана в этот чан.

На этот раз Юлиан находился там по меньшей мере в полтора раза дольше, и, когда ему уже начало казаться, что он умер, Карниган и Тёрнер его вытащили.

У Юлиана не было сил даже жадно вздохнуть, и он просто смиренно ждал продолжения. Например, следующего погужения.

– Лошадиная доза, – прокомментировала происходящее Ривальда.

– Согласен. Думаю, с тебя хватит. Ты меня слышишь? Как тебя зовут?

– Юлиан. Юлиан Мерлин.

– А я кто?

– Люций Карниган. Вы тут главный.

– Тут? – мгновенно подбежала миссис Скуэйн. – Где тут?

– В Комнате Забвения. Он тут главный присяжный.

– Не может быть, – резко отпустил Юлиана Карниган. – Ты знаешь, кого мы судили?

– Агнуса Иллиция. Похоже. За измену государству.

– Герр Карниган, – вступил в разговор Тёрнер. – Давайте опустим его ещё раз. Похоже, что не подействовало.

– Не могло не подействовать, – размеренным тоном проговорил Карниган. – Такое я видел только раз. И не ожидал увидеть снова. Внук Раньери, говоришь?

– Да, – ответил Юлиан.

С волос буквально водопадом лилась бесконечная вода.

– Ещё предстоит разобраться, – недовольно пробурчал Карниган.

– А сейчас что предстоит делать? – спросил Тёрнер.

– Выхода у нас есть только два. Первый – это убить его. Простой способ. Второй сложнее.

И, похоже, что мы должны использовать именно его.

– И какой это способ? – с нетерпением спросила Ривальда.

– Сделать его тринадцатым присяжным.

Он это сказал, словно выносил вердикт лучшему другу. Карниган опустил глаза вниз, словно провожал что-то важное в последний путь.

– А остальные одобряют? – подозрительно спросил Тёрнер.

– Уже неважно. По делу Иллиция первым председателем назначили меня. Мне и решать технические детали. Мы все представляем какие-то важные отрасли деятельности нашего города. Полиция, образование, здравоохранение, наука, экология, пресса... Отчего бы не принять в наши ряды представителя столь недооценённой ячейки, как молодёжи?

Присяжные не нашли что ответить на это. Даже Ривальды молчала. Никому никогда и в голову не приходило, что молодёжь созрела для того, чтобы иметь право голоса.

– Какой ещё присяжный? – вмешался Юлиан. – Депортируйте меня обратно в Грунндебайтен, и я больше никогда не выйду из дома!

– Нет, мой мальчик, – ответила ему Ривальда. – Ни в какой Грунндебайтен ты не поедешь. Её слова звучали как вызов.

Всю дорогу обратно Юлиан не давал покоя Ривальде, расспрашивая её обо всём, чём только мог. Но та прямо-таки нагло его игнорировала. Неизвестно, что подумал о таком методе общения таксист, но Юлиану было на это абсолютно наплевать. Всё, чего он хотел – ответов на то, что произошло сегодня.

Ривальда снизошла до ответов, только когда они вылезли из такси и пересекли ворота её особняка.

– Что ты такое устроил, Юлиан Мерлин? – спросила она. – Какого чёрта ты орал во всеулышание про присяжных и суд? Ты в своём уме?

– Я хочу ответов! – гордо прокричал Юлиан, уже не боясь ничего.

– Я не хочу тебе их давать. Знал бы ты, как я хотела, чтобы ты тронулся умом от полоскания в Куполе Забвения, но, к сожалению этого не случилось.

– Чего-то вы недоговариваете, – стоял на своём Юлиан. – Я видел, как вы меня защищали при остальных присяжных.

– Я не хотела терять своё лицо. Тем более из-за такого болвана, как ты. Ты хотя бы знаешь, куда ты влез? Ты знаешь, что выбраться тебе оттуда скоро не удастся?

– А вам не всё равно? – спросил Юлиан, когда они оказались в гостиной.

– Мне всё равно на тебя. Но смей допустить хоть на секунду, что из-за тебя я готова рисковать своей работой и своим положением. Мне в радость отвечать за тебя? Как думаешь?

В этот момент в гостиную заглянул Джо со своим привычным и доброжелательным:

– Что желаете, госпожа?

– Джо, ты должен уйти! – неоправданно жестоко рявкнула на дворецкого Ривальда и тот поспешно скрылся.

– Не в радость, – ответил ей Юлиан. – И мне не в радость быть этим присяжным. Но что сделано, то сделано. Теперь на правах присяжного я хочу услышать ответы!

Ривальда демонстративно отвернулась от него и полезла в шкаф за вином. К удивлению Юлиана она вытаскала оттуда два бокала вместо одного, которые поспешно и неаккуратно наполнила вином до краёв.

– Значит, желаешь поболтать со мной за столом? В духе «Дорогая миссис Скуэйн, как проходит расследование по Агнусу Иллицию?».

На этот раз пришла черед демонстративных действий со стороны Юлиана. Он осушил стакан залпом, после чего уже сел за стол.

– Я имею право услышать ответы.

– Тогда спрашивай.

– Информация о Агнусе Иллиции, Алой Завесе по-моему и этому М... Не помню дальше. Почему она засекречена?

– Людям не положено знать того, что происходит за ширмой. Что они видели? Что видел ты, Юлиан, во время серии террористических атаках пятнадцать лет назад?

– Я тогда был младенцем и ничего не помню.

– Они видели лишь серию несчастных случаев. Загадочные смерти, взрыв моста, взрыв автобуса, кровавая резня во Франкфурте

– Что-то такое приходилось слышать, – кивнул Юлиан после того, как Ривальда налила ему ещё стакан вина.

– Но никто не знал, кто ведёт их за собой и зачем. Никто не знал лидера террористов, все были уверены, что они одновременно вдруг решили восстать против нашей якобы тирании. На самом деле восстание было аккуратно спровоцировано человеком, от имени которого даже меня бросало в дрожь. Акрур Эодред Молтембер, появившийся из ниоткуда, обладал такой харизмой и таким даром убеждения, что ему без труда удалось повести за собой десятки и сотни новых повстанцев. Он был одержим идеей свержения власти. Там, где он появлялся, умирали господа, оставались без отцов целые семьи. Он считал, что людям не нужны правительства, что они сами для себя хозяева. Он хаотично появлялся в разных точках нашего сообщества, и незаметно исчезал. Его было невозможно выследить, он как тень ускользал из-под наших рук, и всё это время его армия всё увеличивалась и увеличивалась. Лишь со временем, спустя месяцы, нам удалось вычислить, куда его рука тяготеет больше всего. Тебе приходилось слышать об альтернативном аде?

– Не приходилось, – ответил Юлиан. Второй бокал вина уже не шёл так резво, как первый.

– И то добро. Он рвался в Свайзлаутерн, жаждал установить контроль над ним, а всё из-за, что наш город построен на рухнувших некогда воротах альтернативного ада.

– Альтернативного? Как это понять?

– Понимай как хочешь. Говорят, что есть обычный ад, в который я сама слабо верю. есть альтернативный. Я никогда там не была и особо в него не верила. Жуткое место для самых

отчаянных и грешных душ. Даже мне неизвестно, что они представляют из себя. Зато Акруп Эодред, похоже знал. И больше всего на свете он хотел открыть эти ворота, чтобы получить из ада то, что дало бы ему мощь, с которой мы тягаться были бы не в силах. Пополнение в свою армию, какие-то мощные артефакты, или же и вовсе то, что мы вообразить себе не могли. Как очевидно, в одиночку справиться трудно, но использовать для этого наивных людей, которым он накапал в уши идеями о свободе без господ... Для него не было ничего проще. Равно как и обрести союзников среди наших. Например Агнуса Иллиция. Наивного идиота, который с радостью передал Молтемберу схемы устройства нашего Парламента, и распорядок смены охраны. Ты же хорошо помнишь, что случилось с нашим Парламентом пятнадцать лет назад? Помнишь, Юлиан?

– Помню, – сказал Юлиан, допив второй бокал. – Он был взорван.

– Надо ли говорить, сколько было жертв? Думаю, что нет. Почему, по-твоему, был взорван именно Парламент? Потому что под Парламентом находились ворота альтернативного ада. Однако ворота не приняли его. Посчитали недостойным. Но попытку завладеть адом он не бросил. Не бросил до тех пор, пока не был побеждён. Да, Юлиан, он был побеждён и его больше нет. Но кто отменил его деяния? Кто отменил последствия войны? Кто вернул к жизни погибших при взрыве Парламента? И кто залатал раны тех, кто смог выжить?

– Разве кто-то смог выжить? – спросил Юлиан.

– Смог. И одна из них сидит перед тобой. Да, мне повезло во время этого кошмара. Так же, как повезло и Люцию Карнигану. Несколько лет после этого кошмара мы не могли спокойно спать. Жизнь была адом похуже того, что находился под Парламентом. И теперь, когда появилась тварь, которая помогла Молтемберу, как думаешь, кому не охота собственноручно прикончить его?

– Даже мне охота.

– А теперь представь моё желание. Моё чувство мести. Но даже в таком состоянии я понимаю, что смерть одного лишь Иллиция не изменит ничего. Пора бы и тебе поучиться такому терпению.

Юлиан слушал и молчал. Третий бокал словно наполнился сам собой. Бутылка уже кончалась, но юноше казалось, что ею ограничиваться миссис Скуэйн не собиралась.

– Алая Завеса была создана специально для того, чтобы вести скрытую войну против истинных притязаний Молтембера. Только они знали правду. Они и Департамент. Даже Сенат Местоболя не знал. Они только финансировали наши оборонительные действия. И так вышло, что в этом ордене благороднейших и достойнейших людей завелась такая крыса, как Агнус Иллиций. Он знал всё. Абсолютно всё и без разбора сливал информацию Молтемберу. Потом, как ты знаешь, Уильям Монроук смог раскусить его, потому что прочитал невидимые письма. Иллиций его за это заманил в ловушку повстанцев. Может, Молтембер его собственноручно убил. Этого мы не узнаем теперь уже никогда. Только вот Монроук был застрахован на случай своей смерти и сохранил записи в своём дневнике, который прятал у своей жены. Мы нашли дневник и всё узнали. Хотели убить Иллиция, но он бежал. Но было плевать. Иллиций пешка, он ничего не стоит без Молтембера. Поэтому весь этот суд – пустая трата времени и фарс. Мы должны использовать зелья правды на Иллиции. Использовать и больше узнать. То, что ты в присяжных, может и даст мне плюсы. Если, конечно, ты будешь голосовать за зелья правды. Я знаю, что слушать тебя никто не станет, но даже в таком случае стой на своём до конца.

– Как вы сказали, слушать меня не станут.

– Будь настойчивее. И не кажись полным идиотом, как ты очень любишь. Я искренне верю, что ты поможешь мне. Ведь я сегодня помогла тебе. Кто знает, что сделал бы Люций, если бы не моё влияние на него.

– Убил бы?

– Не убил бы. Но обязательно чего-нибудь придумал бы. Мало тебе не показалось бы.

Юлиан допил третий бокал вина и на этом твёрдо решил, что сегодня больше не будет. И так он слишком много за день добился.

– И так, ты хочешь узнать чего-нибудь ещё?

– По-моему, я и так слишком много знаю.

– И то правда. А теперь, будь добр, оставь меня одну. Иди занимайся своими делами.

6. Цветочник.

«Думаю, что ту самую первую встречу я не забуду никогда. Никогда не забуду того томительного взгляда, который так пристально изучал моё лицо, будто бы оно действительно могло кого-нибудь заинтересовать. Скажу только, что я повёл себя тогда как полнейший идиот, и ещё долгое время был уверен, что упустил всё. Я называл это «проиграл»

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Юлиан знал, что уже меньше чем через неделю ему предстоит выступить в качестве присяжного по делу Агнуса Иллиция и это одновременно и пугало его, и завораживало. Даже знание неизбежности того, что случится, не давало ему гарантий, что Люций Карниган не повернул какую-то глупую шутку.

Громко вздохнув, Юлиан взял в руку перо и открыл следующее письмо.

Без лишней лести спешу сообщить, что встреча с Вами была самым лучшим событием в моей жизни. Вы оказались не только прекрасны внешне. Вы оказались не менее прекрасны внутри. Никогда ещё мне не приходилось видеть в другом человеке частицу своей души. Не приходилось видеть в чужих глазах отражения своих.

Но моему разочарованию не было пределов тогда, когда Вы незаметно исчезли с нашей встречи. Как Вам это удалось? Вы использовали какое-то колдовство для этого или очаровали меня, заставив забыть думать о чём-то ином кроме Вас и уделять внимание мелочам? В любом случае замешано колдовство, ибо иначе Вы бы не смогли пленить моё сердце.

Я не намерен сдаваться и продолжу искать Вас и после этой встречи. На каком бы краю света Вы не оказались, будьте уверены – однажды я приду за Вами и заберу с собой. Я очень надеюсь на то, что вы будете не против.

Я не уверен, дойдёт ли до Вас это письмо, но я сделаю всё для того, чтобы это случилось. В то же время я вынужден сообщить, что и мне придётся на некоторое время отлучиться, ибо меня подстерегают проблемы, от которых мне, увы, не сбежать.

Не верьте надменному обществу – я не причиню Вам зла. Если угодно, я буду любить Вас вечно. Только дайте понять, что Вам это нужно. Тогда я заберу Вас с собой, и мы будем счастливы вместе раз и навсегда.

Я предупреждал, что отлучусь, поэтому Ваш ответ прочитаю не скоро, и, тем более, не скоро отвечу сам. Но я обязательно напишу, поэтому ответьте мне. Ждите, и я вернусь.

Ваш покорный слуга,

Господин Р.»

Юлиан отложил перо в сторону и снова вздохнул. Он прочитал очередную бессмыслицу, предназначения которой не знал и не хотел знать.

На этот раз он всё перенёс гораздо легче. По крайней мере, его не штормило, да и в обморок он падать не собирался. Как и не собирался открывать тайный проход к оккультическому кругу.

Он не оставил своих намерений раскусить Ривальду Скуэйн. Теперь он, по крайней мере, знал, где она работает и что для большей части общества является уважаемым человеком и верным борцом за правосудие и закон.

Попытавшись перевести дух, Юлиан решил пошарить в книгах этой библиотеке.

Ботаника, история, биография, опять биография и опять история. Что может быть скучнее? Ах да, философия. В то же время ни единой книги по психологии.

А вот здесь уже гораздо интереснее. «Первичное обучение чёрной магии», «Духи и демоны. Навыки оккультизма», «Священный Экзорцизм», «Навык леворукого колдовства».

Более чем известно, что тёмное колдовство проходит через левую руку. Юлиану часто казалось, что из-за своей леворукости ему нужно было изучать тёмное колдовство, но потом переставал валять дурака и шёл с ранцем в школу. Быть может, эта книга создана специально для него и её стоит изучить?

А ещё лучше опять перестать валять дурака.

– Ты освободился? – неожиданно услышал голос сзади Юлиан, отчего чуть не обронил книгу.

К несчастью, это был не очередной демон, а кое-что похуже. Ривальда Скуэйин удостоила его личной аудиенции.

Поставив книгу обратно на полку, Юлиан ответил:

– Можно сказать и так. Дух переведу и снова стану писать.

– Не стоит. Идём за мной, у меня для тебя кое-что есть.

Этим кое-чем оказался костюм-тройка, который Юлиан ненавидел каждый раз, когда ему приходилось примерять его у деда. И, прямо-таки выглядеть идиотом.

– Этим костюмом вы заплатили мне за работу? – поинтересовался Юлиан, глядя на себя в зеркало.

– Нет. Костюм стоит гораздо больше, чем ты заработал. Знал бы ты, как мне было стыдно за твой внешний вид, когда ты появился в Департаменте.

– Но я не люблю костюмы, – начал противиться Юлиан. – Тем более эти жилеточки.

Он нарочито сделал лицо, выражающее отвращение.

– Ошибаешься. Тебе непривычно видеть себя в таком облики, но тебе очень идёт. Мне даже неожиданно.

– Вообще-то я себя часто таким видел. Надеюсь, что мне придётся побыть в нём только на третьем заседании вашего совета.

– Не разбрасывайся такими дорогими подарками, как этот. Завтра к нам придёт в гости семейство Лютнер и я не хочу, чтобы наш официант выглядел как вчера.

– Что? – удивился Юлиан. – Какой ещё официант? Я поднос-то уроню. И какие гости, когда такое происходит?

– Какое такое?

– Агнус Иллиций вернулся. И не просто так.

– Жизнь на этом не кончается. Эти дни я хочу провести на позитиве.

Семейство Лютнер было довольно стандартным и состояло из троих человек – седеющий и начинающий полнеть герр Моритц, всё ещё старающаяся сохранить красоту и молодость при помощи различных уловок и ухищрений фрау Флеерта, а так же вполне себе милостивая дочка примерно возраста Юлиана, имени которой никто не удосужился назвать.

Юлиан на пару с Джо носился туда-обратно, постоянно меняя блюда, многие из которых нерадивые и искушенные гости не удосуживались даже доест до половины. Признаться, по многому у Юлиана уже давно текли слюнки, но без разрешения Ривальды он не осмеливался попробовать ничего.

– Как всегда, великолепно, Ривальда, – учтиво сказал герр Моритц, аккуратно вытирая свои роскошные усы.

– И ты бы подтянулась к нам в гости, – дополнила миссис Флеерта.

Одна только дочка молчала и явно получала мало удовольствия от сего действия, тоскливо и обреченно ковыряя маленькой ложечкой какой-то десерт.

Всё это Юлиан удивлялся необычайной и не присущей Ривальде вежливости, которая исходила от неё буквально струёй. А что ещё более странно, от неё просто-таки веяло нормальностью. Вот уж чего в этом доме не было никогда и в помине.

Когда гости уже начинали пить чай, к Юлиану на кухню ворвалась та самая дочка Лютереров.

– Добрый день, – с подозрением обернувшись по сторонам, произнесла она.

– Добрый, – так же подозрительно ответил ей Юлиан. – Тебя прислали сюда за мной?

– Да, я ищу официанта. Но никто меня за ним не присылал.

Юлиан не знал, что ответить на это, поэтому предпочёл просто промолчать.

Девушка была невысокого роста, не идущего ни в какое сравнение со статью Ривальды. Её светло-русые длинные волосы были убраны в хвост, однако это не мешало нескольким длинным прядям всё же свешиваться со лба. Прямо под её голубыми и добрыми глазами красовались несколько веснушек, оставшихся ещё с детства, а на тонких губах блестели следы непридуманной помады.

На пальцах красовалось множество колец, но большее внимание привлекало пятно от соуса на её чёрном платье. Как бы Юлиан не старался, он не смог бы напомнить ей об этом.

– Не похож ты на официанта, – продолжила не очень ловко складывающийся разговор она.

– А я и не официант, – с презрением к самому себе ответил Юлиан. – Я в этом доме слуга. Мальчик на побегушках, если угодно.

– Любопытно. А у нас в доме нет слуг. Всё это время я смотрела на тебя, и ты выглядел так, как будто очень хочешь есть. Причём меня съест. Я вот, – она вытащила руку из-за спины и наконец-то присела на первый попавшийся стул. – Принесла тебе кое-что.

На небольшом блюде находилось нетронутое совсем кремовое розовое пирожное.

– Не стоит. Миссис Скуэйн не морит меня голодом.

– Я настаиваю, – тоном школьной учительницы произнесла девушка, протянув блюдо Юлиану. После этого она вытащила из-за стола вилку и тоже протянула её Юлиану. Похоже, об этом доме она знала больше, чем Юлиан мог подумать.

Однако оказать столь милой и любезной девушке Юлиан не мог, поэтому с лёгким оттенком стыда принялся буквально пожирать пирожное.

– Пенелопа, – неожиданно произнесла девушка, едва сдерживая смех от зрелища трапезы Юлиана.

– Очень приятно, – едва не поперхнулся десертом новоиспеченный присяжный.

В ответ же он лишь лицебезрел молчание Пенелопы.

– Ах, да, – попытался изобразить растерянность её собеседник. – Меня зовут Юлиан.

– Ух ты. Красивое имя. Почти как Пенелопа, – после чего её тон резко переменялся на серьёзный. – Знал бы ты, как я устала от этого так называемого обеда. Как я устала слушать их бессмысленные разговоры о пятом и десятом. Они такие надменные. Все. Изображают вежливость. Так охота сбежать на край света и увидеть наконец простых людей. Безо всяких этих штук и торжественных приёмов.

– Ну, так сбеги, – не мог придумать ничего лучше Юлиан.

– Так я и сбежала, – улыбнулась она. – Сюда, к тебе.

– Если ты говоришь, что я простой, то ошибаешься. Я хоть и слуга тут, но я внук самого сеньора Джампаоло Раньери. Того самого. Знаешь Джампаоло Раньери?

– Кто ж его не знает. Ну конечно. Внук сеньора Раньери работает официантом, – она всё же нашла в себе силы засмеяться. – Неважно. Шути, мне это нравится. Ты кажешься настоящим и живым.

– А я и не шучу, – с лёгким недоумением сказал Юлиан, но переубедить никого не стал.

– Они таскают меня за собой везде. Понимаешь, везде. Как маленькую девочку, а ведь мне уже семнадцать. Даже хуже – как какую-то игрушку. Почему у меня нет младшей сестры, Юлиан?

– Я... Я не знаю, – неуверенно проговорил Юлиан.

– В то же время уже подыскивают мне мужа. А ведь мне всего семнадцать. Мои родители идиоты, – выдохнула она.

– Не говори так. Могут услышать.

– А мне-то что? Что будет, если услышат? Выгонят меня из дома – так мне же лучше.

– Это к хорошему не приводит. Я вот от деда сбежал, и теперь нахожусь в плену у этой женщины. У Ривальды Скуэйн.

– У каждого свои скелеты в шкафу, – усмехнулась она, после чего с резко появившейся лёгкой улыбкой уставилась на лицо Юлиана. – Ну и свинья же ты.

– Чего?

– У тебя все губы в креме. Иди сюда.

Юлиан с уже присущим ему как черта характера недоверием приблизился к необычной девочке.

– Надо было кормить тебя самой, – пробормотала Пенелопа, аккуратно вытирая губы Юлиану салфеткой.

Такого Юлиану ещё видеть не приходилось. Именно того, что при знакомстве очень милая девушка вытирала ему губы, а он абсолютно не знал, что ему делать.

Очевидно, что она считает Юлиана за простачка и нищелюба, вылезшего из ниоткуда в поисках какой-никакой работы. Знала бы она, что никакая работа Юлиану не нужна и состояния деда хватило бы ему аж на две жизни.

– Вроде всё в порядке, – сказала она, отпустив наконец Юлиана. – Ещё хочешь?

– Нет.

– Я могу сделать чая. Хотя... Стоило подать пирожное с чаем, а не отдельно. Дурочка. Ну да ладно.

– Успокойся. Я не люблю чай.

– Что ж, – ещё раз улыбнулась она. – Тогда я могу покинуть тебя с чувством выполненного долга. Надеюсь, они уже собираются домой. До скорого, Юлиан Раньери!

– То есть ты здесь частый гость?

– Город не такой большой, как кажется. И мир тесен, – после чего она немедленно исчезла, оставив на душе Юлиана неисправимое впечатление.

Это был второй человек после Джо, который в этом странном месте пришёлся ему по душе. Жаль только, что увидеть её ещё раз шансов у него не так много.

Всё-таки стоило согласиться ещё на чай. Продлил бы тем самым общение по крайней мере минут на десять.

В течение всей этой недели Лютнеры больше не появлялись в доме у Ривальды Скуэйн, зато порой хватало других гостей. Как правило это были скучные коллеги по работе, представляющие из себя одинаково одетых тёток, напоминающих больше всего Ровену Спаркс.

Юлиана ждало разочарование, потому что в эти разговоры никто его не просвещал. Всё время, когда коллеги Ривальды гостили у неё, Юлиан сидел в своей комнате или помогал Джо в домашних делах. Это даже своеобразно задевало душу Юлиана, ведь Люций Карниган обещал ему нечто другое.

Про членство Юлиана в суде присяжных и вообще об этом суде Скуэйн вспомнила только непосредственно в ночь перед самим заседанием.

– Знаешь, что ты будешь делать завтра? – спросила она у него, когда они привычным образом пересеклись в гостиной.

– Я буду делать вид, что я присяжный? – решил блеснуть остротой Юлиан.

– Ты будешь присяжным, – уточнила Скуэйн. – И сделаешь всё для того, чтобы Департамент принял меры по извлечению воспоминаний из Агнуса Иллиция. Равно как и всё сделаю я, что могу.

– Я думаю, что логичнее мне будет не открывать рта.

– Это право остаётся за тобой. Ты полноценный тринадцатый присяжный и имеешь такое же право голоса, как и все мы.

– Но сейчас вы навязываете мне свою точку зрения.

– И у тебя есть полное право не соглашаться со мной, – на полном серьёзе ответила Ривальда. – Но только подумай, что будет лучше. Для тебя и нашего общего дела. Уничтожить все хвосты. А отомстить Иллицию мы успеем.

– Я не могу рассуждать так красиво, как вы. Тем более на совете.

– Я умоляю тебя, не кажись там идиотом. Погладь свой костюм, приведи свою причёску в порядок. Кстати, почему ты до сих пор ещё не стригся? Можешь не стричься, но волосы расчёсывай.

Юлиану тоже никогда не нравилось, когда обсуждали его стрижку. Вернее то, что стригся он не так часто, как остальные его сверстники.

– Я сделаю всё, что смогу, миссис Скуэйн. И на суде тоже.

– А выбора у тебя и не будет. Иначе у Драго будет ужин из тебя.

Зловещая улыбка заставила Юлиана задуматься о том, серьёзно она говорит или нет. Впрочем, у Юлиана выбора никакого и впрямь не было, поэтому уже было всё равно. После этого треклятого суда он узнает все тайны Ривальды, а потом найдёт способ от неё сбежать. Одной той слезкой он не ограничится, Юлиан обещал это себе. Теперь ему приходила мысль проследить за Ривальдой ночью, когда она как бы спит. Не верил он в это, а значит, стоило проверить. С самого раннего утра она выходит на работу, возвращается домой и проводит там весь оставшийся день. Поэтому оставалась только ночь для того, чтобы проделывать все эти штучки с оккультизмом и чёрным колдовством.

Утром, как показалось Юлиану, колокольчик зазвонил раньше, чем обычно, поэтому многим это его не обрадовало. После завтрака Ривальда добрые полчаса заставила провести его около зеркала, приводя якобы себя в порядок. Когда наконец он стал «выглядеть почти идеально для бродяги его класса», они наконец-то отправились в Департамент.

Сказать, что Юлиан волновался, значит не сказать ничего. Как ещё назвать то чувство, когда заставляют делать что-то ответственное, но к которому ты в то же время совершенно не готов? Это сродни тому, что его медленно протягивают сквозь узкую трубу, которая к тому же всё сужается и сужается, а конца всё нет и нет.

Однако всё пошло не так, как планировалось. Уже около входа какие-то люди перехватили Ривальду со словами:

– Миссис Скуэйн. Вас ждёт герр Сорвенгер.

– Якоб? – удивилась она. – Я опаздываю на очень важную встречу.

– Боюсь, что её не будет, – ответил худой мужчина в чудаковатой мантии. – У него для вас очень важная информация.

– Важная, говоришь? Где его найти?

– Он здесь. В кабинете герра Карнигана.

– Юлиан, отправляйся со мной.

Юлиан кивнул и на этот раз они отправились не в подвал, а на второй этаж. В кабинет Карнигана Ривальда зашла без стука, чем, вероятнее всего, желала показать Юлиану свой вес в этом учреждении.

– Люций, мы же опаздываем, – сказала она, едва заметив коллегу-присяжного.

– Никакого заседания не будет, – послышался голос мужчины, стоявшего возле Карнигана.

Это был высокий, донельзя классический мужчина, будто бы сошедший со страниц романов про викторианскую эпоху. Идеально выбритый, с зачёсанными набок угольно-чёрными волосами, на которых начала появляться лёгкая проседь и коротко подстриженными висками. Его чёрные глаза излучали собой что-то странное, что-то между могуществом, праведностью

и строгостью. На его длинном чёрном смокинге не было ни катышка, а на туфлях с острыми носками не красовалось ни единого пятнышка от грязи.

– Что случилось, Якоб?

– Этой ночью Агнус Иллиций сбежал, – обернулся Сорвенгер с лицом, полным опустошения.

– Чего? – подорвалась Ривальда. – Как вы могли это позволить?

– Ривальда, я прошу тебя, – вмешался в разговор Карниган.

– Люций, с этим надо что-то делать! – не унималась Скуэйн. – О нет, Якоб, скажи, что это шутка.

– Ты же знаешь, Ривальда, что у меня плохое чувство юмора, – холодно ответил Сорвенгер.

– А эта шутка и несмешная. Как это случилось?

– Отправимся в участок, там всё узнаешь. Кто это с тобой?

– Он называет себя Юлиан Мерлин. Не беспокойся, он наш полноправный коллега.

– Да, – Сорвенгер буквально наглым взглядом принялся изучать Юлиана. – Что ж, время терять не стоит. В путь.

Как казалось Юлиану, Сорвенгер выглядел ещё более утончённо, чем Карниган, однако напоминал он человека того же типа. Разве что над своей причёской он наверняка работает каждое утро, да ещё и так усердно, что раз за разом рискует опоздать на работу.

В участок Сорвенгер повёз Ривальду, Юлиана и Карнигана на своей машине, которая опять же ничем не отличалась от типичного такси. Всю дорогу он переговаривался с Карниганом о чём-то важном, а Ривальда же просто молчала, судорожно сдерживая дрожащие губы. Юлиан попросту ничего не осмеливался сказать, да и его тут никто практически не замечал.

Они приехали как раз в тот полицейский участок, с которого у Юлиана и начиналось знакомство с этим приветливым городом. На посту сидел всё тот же инспектор Глесон, который не обратил внимания на Юлиана в его новом облики. Вероятнее всего, не узнал или вовсе забыл.

– Весь участок на измене, – сказал Сорвенгер, ведя троицу куда-то вглубь. – Каждый считает, что это его вина.

– А ты как считаешь? – спросила Ривальда.

– Я? Я не из тех, кто недоглядывает. Поэтому понятия не имею, кто это провернул.

Они спустились в подвалы, где, как Юлиан уже знал, располагались камеры для преступников, которые ожидали суда.

– Ну и холодно же тут, – проговорил он, оценив неприветливое помещение.

– Холод – это не самое страшное, что можно ощутить здесь, – зловеще ответил Сорвенгер, что Юлиан решил воспринять как шутку.

В три яруса слева и справа располагались с три десятка тёмных тюремных камер, большая часть которых была занята преступниками, как правило, весьма опасными. В такое место не засаживают рядовых воришек и мошенников. Это место для убийц. Поэтому около половины здесь смертники.

– Замок камеры взорван, – начал отчёт по случившемуся Сорвенгер, но Ривальда его перебила.

– У него же не могло быть с собой пиротехники? Якоб, скажи мне, что не могло.

– Исключено, – уверенно сказал Сорвенгер. – Не могло быть и отмычек. А магия здесь тоже не действует.

– Но тогда как? – не унималась Ривальда. – Как это могло случиться, Якоб?

– Мы лицезреем то, что лицезреем, – ответил вместо него Карниган. – Если Иллиций смог это сделать, то был способен. Сейчас главное не понять, как он это сделал. А попытаться его найти.

– Мы сразу же отправили отряд на его поиски, – сказал Сорвенгер. – Ещё ранним утром. Пока они прочёсывают город и окрестности, и, если он здесь, то будет обязательно найден.

– Обязательно? – возразила Скуэйн. – Он и отсюда сбежать не мог, поэтому нельзя ни о чём говорить наверняка.

Неожиданно в разговор вмешался Юлиан:

– А он не мог что-нибудь пронести внутри себя?

Карниган и Сорвенгер с удивлением на него посмотрели:

– Мальчик, мне кажется, что ты говоришь чушь, – сказал коллега-присяжный.

– Во всяком случае, он пытается, – ответила Скуэйн. – Вы не пробовали опросить других заключённых?

– Пробовали. Никто ничего не знает. Кто-то говорит, что спал, а кто-то элементарно не помнит, – продолжил отчёт Сорвенгер.

– Он самый великий из нас! – воскликнул какой-то старый заключённый вдалеке.

– Он самый жалкий даже среди вас! – возразила Ривальда.

– Не трать время на них, – парировал Сорвенгер. – Я обещаю тебе, мы найдём его. И тогда вы сможете осудить его согласно закону. И приписать ещё побег.

– Память-то ему хотя бы стёрли? – поинтересовалась Ривальда.

– Насколько я знаю, да, – ответил Люций Карниган. – Это даст нам преимущество.

– Если только он не украл свои воспоминания обратно из Купола Забвения, – предостерег работников Департамента Сорвенгер.

– Для этого ему пришлось бы проникнуть ещё и в Департамент, – сказал Карниган. – Не много ли это для столь жалкого преступника?

– Для него слишком много уже того, что он получил, – ответила обоим Ривальда. – Если в ближайшие два дня он не будет пойман, я отправлюсь на его поиски сама. И накажу так, как хочу я.

– Ривальда, – обратился к ней Сорвенгер. – Я хочу знать, что всё хорошо. Скажи мне, что с тобой всё хорошо, и ты не наделаешь глупостей.

– Со мной всё хорошо, – с тоном, наполненным недовольства, ответила Ривальда.

– Я должен быть уверен в этом. Хочешь ты этого или нет, но вечером я заеду к тебе. Всё проконтролирую.

Когда они покинули полицию, Ривальда выглядела полностью убитой и едва сдерживала истерику и агонию. Юлиану даже страшно было находиться рядом с ней, так как гнева такой женщина как она, он боялся больше всего. На работу она возвращаться не стала, поэтому прыгнула на первый попавшийся троллейбус и уехала домой. Надо сказать, сам факт езды на троллейбусе Юлиана очень удивил, но чего человек не наделает в таком состоянии?

Якоб Сорвенгер своё слово сдержал – к семи часам он и впрямь приехал в гости к Ривальде. К этому времени Джо и Юлианом уже был накрыт стол для ужина, и, надо сказать, он отличался от того, который был предназначен для семейства Лютнер. Юлиан сходу не сказал бы чем именно, но в глаза бросалось то, что еды тут было меньше, а вина больше.

Он протянул мокрое от дождя пальто в руки Юлиана и тот вежливо повесил его на вешалку. При этом в очередной раз ощущая себя полным ничтожеством.

– Приветствую ещё раз, Ривальда, – учтиво сказал он, войдя в гостиную. – Как вышло так, что твой паж оказался просвещён в дела Департамента?

– Я так захотела, – сухо сказала она.

– Многим может показаться, что ты злоупотребляешь своими служебными полномочиями. Хм... Я достал другого вина, – из-за пазухи он вытащил небольшую бутылку с красным содержимым. – Вот, с лучших виноградников моего дяди. Даже у него это выманить трудно.

– Отлично, – равнодушно произнесла Ривальда. – Выпьем сегодня две бутылки.

– О нет, мне ещё вести автомобиль.

– Выпью одна, – всё тем же тоном сказала Скуэйн. – Никаких новых известий нет?

– Обчесали весь город от и до, – с сожалением сказал Сорвенгер, присев наконец за стол напротив Ривальды. – Никого не нашли. Опрашивали очевидцев, так кто-то что-то видел, но до конкретики не доходило. Глесон собирается выяснить, сколько людей этой ночью покинули город на поезде без билета, зайцем.

– Логично, – кивнула Ривальда. – Он же должен был на чём-то уехать. Если его не дожидалась машина со сговорщиками.

– О нет, Ривальда. Не ищи никаких заговоров в этом. Преступник попался и преступник сбежал. Мы его найдём, потому что он один, а нас много.

Неожиданно в гостиную ворвался с Джо с огромным посеребренным подносом с не менее огромной крышкой.

– Ваша рыба, господа, – поклонился он. – Комиссар, – сказал он в сторону Сорвенгера, видимо таким образом его приветствуя.

Сорвенгер в ответ лишь сухо кивнул.

– Юлиан, ты должен помочь мне, – сказал Джо, поставив поднос гордо в середину стола. Юлиан отправился с ним на кухню, но ничего путного там не услышал.

– Что за дела, Джо? – спросил Юлиан.

– Нет никаких дел. Им надо поговорить о чём-то важном. Тебе и мне там не место.

– Но, Джо! Я очень-очень хочу послушать.

– Даже не думай. Иначе вылетим мы вместе с тобой из этого дома. И не забывай – я здесь живу много лет, и другого дома у меня нет.

– Хорошо, – недовольно кивнул Юлиан, после чего они отправились с Джо на крышу пить кофе.

Как сказал Джо, Ривальда и Сорвенгер их больше не потревожат, поэтому можно отдохнуть. Джо снова без перерыва что-то рассказывал своему юному другу, и половину из этого Юлиан с чистой душой пропускал мимо ушей.

Однако он всё же слышал то, что события пятнадцатилетней давности Джо никак не затронула – в то время он тоже работал дворецким, но на далёких островах, куда войне было очень и очень далеко. Потом старые хозяева умерли, Джо остался без работы, и вскоре после окончания войны приехал в Свайзлаутерн, так как надеялся здесь найти своего брата.

– Брата я так и не нашёл. Этого старого плута. Зато меня нашла миссис Скуэйн и наняла на работу. На неё тогда косовато смотрели. Действительно – невесть откуда появилась молодая ещё девушка с завидным состоянием и чуть ли не сразу заняла должность в Департаменте. Кто ж рискнёт пойти работать к ней? Эх, если бы не эта золотая женщина, что бы было со мной? Был бы бродяжкой на улице. Или гнил в тюрьме, там хоть крыша есть. А, скорее всего, сдох бы в какой-нибудь канаве.

Повеяло холодом.

– У тебя же ведь есть дом? Да, Юлиан?

– Даже два. Я внук Джампаоло Раньери.

– Ну ты и шутник.

Уже наступила глубокая ночь, но признаков того, что Сорвенгер ушёл, Юлиан так и не заметил. Он уже начинал сомневаться, что комиссар вообще собирается отсюда сегодня уходить.

Больше всего Юлиана удивило с утра то, что он проснулся не от звука назойливого и протяжного колокольчика, а от ослепительных лучей солнца из окна. Неужто этот позолоченный злодей всё-таки сломался?

Всё ещё сонными глазами Юлиан взглянул на пристально смотрящий на него портрет Меркольта, в глазах которого читался жуткий упрёк по поводу того, что он проспал и провёл Ривальду Скуэйн. Это побудило Юлиана за считанные секунды одеться и спуститься вниз.

Но встретил он там лишь безмятежно оглядывающего цветы на подоконнике дворецкого.
– Привет, Джо, – сказал Юлиан, глядя на него с лестницы. – Миссис Скуэйн убьёт меня?
– За что? – удивился Джо. – Она в своей спальне. Взяла выходной.
– Выходной? У неё бывают выходные?
– Не так часто, как хотелось бы.

Гостиная была уже убрана и следов вчерашнего ужина не осталось. Вообще ничьих следов не осталось, в том числе и следов Сорвенгера. Во всяком случае, в прихожей никакого мужского чёрного пальто не висело.

Ривальда Скуэйн спустилась с параллельной лестницы уже через несколько минут. Начала она день с очень любезных приветствий:

– Отвратительный день. Мерлин, почему ты не приготовил мне завтрак?

– Но меня же никто не разбудил, – растерянно проговорил Юлиан.

– А сам не мог догадаться? Будильник поставить или что-нибудь в этом роде. Или ты думаешь, что будить тебя всегда должна я?

– Нет, конечно, – замешкался Юлиан.

– Ну и с глаз тогда долой, – огрызнулась она. – Справлюсь без тебя.

– Я могу сделать глазунью, – принялся оправдываться Юлиан.

– Я сказала – с глаз моих долой!

Она взмахнула рукой, после чего горшок с цветами, за которым как раз ухаживал Джо, взлетел и с силой ударился о противоположную стену. Само собой, он разбился, чем немало напугал Юлиана.

– Простите, – пробурчал он. – Я больше не буду.

– Так, – неожиданно Ривальда остановилась и присела прямо на лестнице. – Теперь ты мне должен цветок. И горшок. Горшок с петуниями.

– Но я же, – начал бормотать Юлиан, однако вовремя успел понять, что к чему и вовремя заткнулся.

– Так, всё. Марш в цветочный магазин за петуниями, видеть тебя здесь не хочу. Джо, сделай мне чай!

– Но у меня нет денег, – с полной обреченностью сказал Юлиан.

– Какой же ты идиот.

Она спустилась в гостиницу и залезла в первый попавшийся шкаф, откуда уже через минуту вытащила несколько двадцатифунтовых банкнот.

– Держи. Это твоя зарплата, которую ты потратишь на цветы. Понял?

– Понял.

– Тогда марш.

Эта фраза придала Юлиану стимула поскорее уйти отсюда. По крайней мере, он рассчитывал ещё как можно дольше не видеть Ривальду. По крайней мере, в таком предельно нервном состоянии.

Он не спросил ни о ближайшем цветочном магазине, ни тем более как до него добраться, а оделся буквально за пять минут и убежал из дома.

На улице ему посоветовали магазин «Прелесть Анны» четырьмя кварталами ниже. Ему упорно и подробно описывали правильную дорогу туда, но по своему обыкновению добрую половину услышанного Юлиан пропускал мимо ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.